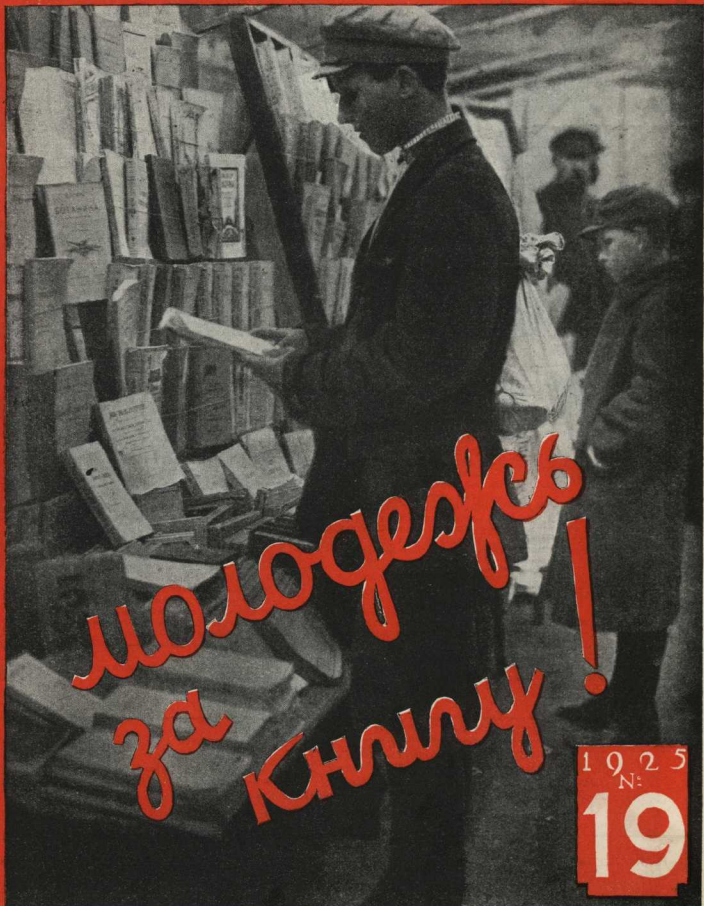

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

молодежь
за книгу!

1925
№

19

“МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”

Володя Петряк

Умер Володя Петряк. Молодой партизан, веселый, энергичный комсомолец, комсомольский журналист, комсомольский работник.

В комсомольской печати был живым, способным работником. Был

инициатором и первым редактором «КОМАРА», секретарем «ЮНОШЕСКОГО ПРАВДЫ», органа МК РЛКСМ.

В последнее время работал в Закавказье заведомом печати Закавказского РЛКСМ, редактором «ЮНОШЕСКОГО ПРАВДЫ» и в «КРАСНЫХ ВЕКШОДОВ» — органов Закавказья.

Совсем недавно Володя писал: «Скоро буду в Москве», и вдруг короткая, теплая телеграмма:

«Умер Володя от воспаления легких. Собоида остерзко родным».

Мы перечитываем Володюны (фильмы, — и сердце кажется невозможным. Неужели такая крепкая, молодая, нужная жизнь могла так нелепо кончиться?

Но мы знаем, что это так. Володюны больше нет. Нет с нами хороших комсомольца и ценного работника.

Мы будем помнить тебя, товарищ!

Редакция «СМЕНЬ».

Начки науки и техники

ЛАМПОЧКИ ХИРУРГА

Хирурги в ангайских госпиталах начали применять при операциях лампы накаливания электрических лампочек.

«Лампочка хирурга» (на волюе врача).

почка. Нововведение это явилось результатом нескольких случаев переломов во время вечерних операций

когда внезапно потухала свет в госпитале вследствие неисправности электросети.

Новые лампочки освещают от карманной батареи и прикреплены к оборудованию, который одеситесь поурту годовую хирурга. В случае порчи сети и потухания электричества, хирург оканчивает операцию при свет своей лампочки. Ею же он пользуется в тех случаях, когда надо ярче осветить какую либо часть тела пациента.

ФОТОГРАФИЯ ЖЕЛУДКА

Американцы изобрели фотокамеру для фотографирования желудка. В пищевод больного опускают тонкую металлическую трубку, на конце которой — яркая электрическая лампочка, освещающая стенки желудка, а на другом конце сплывающая фотокамера с пластинкой внутри ее.

Аппарат работает на принципе перископа и дает возможность точно установить болезнь желудка.

Почтовый ящик

М. Черепанову. Е Горелику. — К несчастью, мы не можем как следует объяснить, почему ваш материал к печатанию не подходит, потому что вы, очень аккуратно выписав название улицы, номер дома и

квартиры, не написали, в каком они городе. Рассказ же пригоден вовсе, очерк написан немного лучше, но для журнала не годится. Используйте его в стенгазете или в местной комсомольской газете, если такая имеется.

Гирину (Батум). Рассказ не пойдет. Писать о самых интересных случаях в жизни можно так, что это будет никому интересно. Так вышло и у тебя. Ты пишешь что-то интересное, значительное, пережитое тобой или слышанное, а написал ты вахю. Если хочешь писать рассказы, ознакомься сначала с нашей литературой, узнайся в то, что пишешь. А вот очередей жизни комсомольских ребят, жизнь вашей фабрики — это было бы для тебя и легче и полезнее; ты бы привыкша организованно излагать свои мысли.

Шербату (Крестячю) — Стихи не пройдут. Избавься от лишних рифм, ни одной новой мыслью, недостатка, не позволяющего нам их пустить. Других стихов пока не высылай, а предварительно почитай стихи хотя бы современных поэтов и поинтересуйся в своих путях простого странника.

В. Смирнову (Ярославль). — Передали в «Журнал Крестьянской Молодежи».

Н. Орлову (Ленинград). — Стихи в целом для печати слабы. Но есть хорошие отдельные строки.

Мы пришли из губернии ситовой. Писать из города красных ткачей».

Стихи тебе нужно, но и нужно порядком поработать над стихами. Свяжись с Л. А. П. Там много молодежи и они в работе тебе помогут. Ю. Дмитриеву, П. Котрехову, Д. Боткину, И. Чернышеву, А. Мамасву, А. Кузину, Н. Борису, Потапову, А. Ионичкову, А. Васильеву, Д. Попову, В. Гудану, М. Рясинскому, Т. Покровскому, И. Брейтману, О. Ткаченко, М. Бадику, Дневскому. — Стихиные ями не пойдет.

Когану (Одесса). — В Харьковскую военно-подготовительную школу (Харьков, ул. Артема, д. № 36) могут быть приняты только подростки 15—16 лет. Прием заявлений в августе м-е. Позобные сведения получите в канцелярии школы.

Алексееву (Одесса). — Большая часть мест в Военно-Морских школах забронирована за находящимися на военной службе, и только оставшая часть предоставляется командирским организациям РЛКСМ, согласно разверстке. Возраст для поступления ограничен комиссией с 17 до 21 года.

Лебедеву (поселок Бульво) — Одну заметку о подпольном коллективе переслали в «Молодой Ленин». Другая не пойдет.

Чернышскому (Москва). — Не пойдет. Неправильно — это основной недостаток.

Весеннему (Калачи). — Наши корреспонденты можно сделать так: нужно прислать нам материал — заметку, очерк или статью. Заметка или очерк должны освещать жизнь вашего комсомола или беспристрастно рабочей молодежи. Особенно зарисовки бытового момента, яркие остро поставленные бытовые вопросы могут быть также фиксированы в твоей корреспонденции. Твои предложения относительно отдела «литературная студия» приняты к сведению. Писать в «Смене».

Позднейскому (Николаев). — Пошел. Прислал еще.

Лайчицкой (Исаевы). — Передали в журнал «Работница».

Ворокову (Тифлис). — Травный вкус» не пойдет, слишком ограничиво безосновательно. Прислал еще. При некоторой работе над собой, повидимому, можешь сделать неплохие вещи. Ярославскому (Москва). — Пошел. Демьянову (Подольск). — Пошел. Прислал еще.

Пешину (Иркутск). — Материал о «Розе Мелевич» использовать для статьи.

Шоляевскому (Одесса). — Пошел. Пешину еще.

Биготскому. — Передали в «Молодой Ленин».

Смирнову (Краснослон). — Передали в журнал «Юный пионер».

Рогову (Москва). — Не пойдет. Много недостатков. Ответче личным письмом.

Кендыку (Москва). — Передали на литручку. Твоя вещь — не очерк, а рассказ. Как рассказ, она почти не может, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

М. Пашкову (ст. Гаубока). — Твой рассказ не пойдет. Нам еще нужно, но внимания все же заслуживает. На литручку вещь будет разобрана, а недостатки укажем в личном письме.

СОДЕРЖАНИЕ: К приезду австрийской делегации. Г. ШУБИН. — Дом. Страница стихов. М. ПЛАТОШКИН. Мазарка — Мяд в Москве. К. РОШЕНКО. — Рабочий торжок. Е. ЛАВРОВ. — С вагоном Дорборю. А. ЛЕВИЙ. — О сапогах. В.И. МУРАЛБЕВИЧ. — Военные хитрости природы. В. ЯКУБОВИЧ. — 1925—1925. НОВОСИЛЬЦЕВ. — Состав населения. Б. ГРОМОВ. — Нас не пустят. И. К. — Голубый слот. Р. РОМАН. — «Наши типы». В. Петряк — (некроль) — Новшты науки и техники — Почтовый ящик. — Помощь юриста. — Советы врача. — Новые книги. — Список книг, поступивших в редакцию.

Иллюстрации художником: К. ЗОТОВА, МЕЛЬНИКОВА, ЧЕБОТАЕВА и др

РЕДКОЛЛЕГИЯ } А. Герасов, Л. Новосичков, С. Соболев, С. Федоров, Д. Хачин.

Отв. редактор Л. КОПЕСНИКОВ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
О Р Г А Н
Центрального и Московского Комитетов Р.Л.К.С.М.
Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСКИ ПЛАТЯ
на 1925 год.

На 1 год — 24 нум. 5 руб. 00 нум.
• 6 мес.—12 3 . 75 .
• 3 1 . 50 .

РЕДАКЦИЯ в МОСКВЕ:

Москва, Москва Платонов, д. 6/7. Тел. 1-40-13.
Рукописи редакцией не возвращаются

СМЕНА*
вредительские к газетам:
1) «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» — орган Московского К-та РЛКСМ.
2) «НА СМЕНУ» — орган Уралоборо Центрального К-та РЛКСМ.
3) «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» — орган Центрального К-та РЛКСМ.
4) «МОЛОДОЙ ШАХТЕР» — орган Донецкого Губкома ЛКСМУ.

№ 19 1 ОКТЯБРЯ 1925 г.

К ПРИЕЗДУ АВСТРИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ МОЛОДЕЖИ

СПРАВА — делегаты приветствуют демонстрантов — **НА ВТОРОМ СНИМКЕ** — т. Матвеев (секретарь МК РЛКСМ) приветствует делегатов; **ВНИЗУ** — группа делегатов, на первом плане председатель делегации.

родии, будут способствовать переходу молодежи на сторону КИМ'а. Клевета социал-демократов, изображающих СССР грудой развалин, а большевиков бандами, до сих пор иногда оказывает свое действие на отсталую австрийскую молодежь.

Теперь, надо полагать, это влияние будет разрушено.

Привет первому отряду западных товарищей, пришедшему увидеть своими глазами правду о Советской стране!

3 сентября в Москву прибыла, а затем вернулась поездку по СССР делегация австрийской рабочей молодежи. Несмотря на атмосферу клеветы против СССР, поддерживаемую социал-демократией, в делегацию вошли и молодые социал-демократы.

В составе делегации следующие товарищи: Пабуш, рабочий-механик независимец, Ланде, — студентка, независимка, Гедличка, рабочий — металлист, социал-демократ, Кушман — рабочий деревообделочник, комсомолец, Свобода, металлист, социал-демократ, Штольн, деревообделочник — независимец и Грамзамер, деревообделочник комсомолец.

Товарищам делегатам чинили всяческие препятствия при выезде в СССР. Тов. Гедличка был исключен даже за эту поездку из социал-демократической партии.

Впечатления делегации, полученные в СССР чрезвычайно благоприятны. Делегаты утверждают, что сообщения, которые они сделают у себя на

ДОМ

Рассказ Г. ШУБИНА; иллюстрации
К. ЗОТОВА

Спиридон вышел на полянку. Посредине белая недобелаяный сруб...

МНЕТСЯ Степанида на крыльце— мужа с работы ждет. Долгочко что-то идет. Раскинулась перед ней торная, засыпанная пухом сажими ольимок улица. В конце широко и ворчливо медведем разлеза завод. Бредет народ из завода— девки, мужики, бабы— как из церкви. Шаги по тесовым мосточкам перекладывают ведут. Прогоняла мимо ватажка чумазных, как цыганята, масленщиков и подточников.

— Не видели моего, ребяташки?
— Обогнали...
— Долго нету ты.
— Не тужи, Проккопьевна,— к зиме придет.

Трунтят озорники над Спиридоном. Стар стал, ноги бастуют, инем голова закурчавилась. Бредет, крахтит, колышком подирается. Присел на ступеньку— сапоги стаяли: в рабочих-то жена в дом не впускает.

Подобрала Степанида обутку— лицо, как мак, цветет.

- Что ты, как именинница?
- От Степы письмо.
- Вспомни, сукни син!
- Приехать обещает.
- Пора.

Спиридон повеселел, шлепнул жену по спине и побрел пить чай.

— Чем кормить-то будем?— спрашивала Степанида, нарезавая ломтики черного хлеба.

— Что само, то и ему.

— В городе-то, поди, к белому приобвык. Ты бы курушке голову отрубил— ажарим. Хохлатка совсем плохо несется. Ахти— мне,— получка-то долго: купить бы чего?

Спиридон не отвечал.

Надрывная не по летам работа пригнула его ум и в первое время после шабаша старику было больно думать. Было больно шевелить и дряблосе, развинченое тело, в котором ныл каждый винтик.

Спиридон вышел на крыльцо покурить, поосидеть, поотдышаться.

Сын уехал из дому четыре года тому назад. Спиридон со злости и потому что не привык думать о том, что

находилось вне завода, уже начал забывать его.

Только жена изредка напоминала ему и восстанавливала в его уме шустрыи, кудрявый облик Спиридона смущало одю. Еще перед самым отъездом, он драл сына за каждый пустяк, не потому что гневался, а по привычке, как по привычке драл отца и самого Спиридона. Теперь Степка вырос. Не начнет ли он перебирать старинку? То-то и оно-то.

Спиридон выстукал золу из носогрейки о пятку босой ноги.

— Стоило поддла,— сказал он громко.

— Кого стоило?— откликнулся Степанида, высовываясь в окно.

— Я прямо скажу,— петушился Спиридон,— хощь ты и комиссар, а за такую программку не уважу. Как понравится, люди добрые!..

Он посмотрел по сторонам, точно, к кому-то обращаясь.

— Ты отца с маткой не забывай, а те покажу гуляй кума с балалайкой.

II

СПИРИДОН поднялся, вобрал в рот кончик бороды и пытая, големом тронулся по уличке, морщась при каждом шаге. За рабочим поселком, в основном бору на берегу реки он строил дом. Спиридон хотел закончить свои дни, как всякий порядочный рабочий лесопильных заводов, имея свой угол, борозу и кур. Он вызвал двух мужиков из ближней деревни, долго торговался, и те готовили ему сруб за двести рублей. Половина выплачена, другую нужно было уплатить на-днях.

Сквозь зеленые стел хвои солнце слабо брызгало золотом. Нога купалась в пухлых, прохладных шелках зеленоватого, с желтым проседелю, мха. Спиридон вышел на полянку. Посредине белая недобелаяный сруб, похожий на корзинку без дна. Мужики сидели верхом на бревнах в белых доматонных портках и дедали вырубки. Топоры звонко пели, вычерчивая блестящие полукруги.

— Бог в помочь, братцы!..

— Спасибо,— враз ответили мужики и вlepили топоры,— у нас в деревне маркомолы не так говорят: слава труду.

Работники стали курить.

— Много ребатушки осталось?

— Три венца. Готовь кошкедек, хозяин.

— Сын приезжает,— расплачусь ребята.

— Ого ну что-ж погодим.

— Милое дело— ждать,— сказал Спиридон и сделал круг вокруг сруба, похлопывая, как плаживая каждое бревно.

— Крышу, ребята, по-нашему, по шенкурки сделаем. У нас так: в хорошую погоду солнышко во все щели прет, получается решето, а в дождь, ни одна капля не пробагает.

— Это все равно, хозяин.

Спиридон крикнул от удовольствия, что его снова назвали хозяином, и слустился к реке.

В суровых, листыстых берегах темла она, покрытая золотыми солнечными заплатами. Налезо, за три версты, в широкие ворота устья синело Белое море. Оно дымилось мирным, предвечерним туманом, и острова его поближе плавали, как киты, а вдалеке, висели в нежном, розовом воздухе. Направо, завод-лесокатка, биржи, запаань— все кричало бодрыми пронзительными голосами.

— Благодарь,— сказал Спиридон и присел на камушек,— здесь бы да перемету ¹⁾ стоять. Сиги, корюхи, камбала— и себе, и на продажу. А у дому бы чизанины под поле, да под огород. Э, да тут одному не управиться.

Он вскопичи и стремительно побегал домой, наткываясь на острый шебель.

— Что ты ровно взбесился?— спросила Степанида.

— Ой молчи, старая,— ответил Спиридон и изнеможно присел к столу,— надумал я Степку здесь задержат. Живет там на чужой стороне— никакого проку. Вон Бремка ему одногодок, а отцу как помогает.

— Так-то он и останется!

— Женим. От бабы не убежит. Ась, старуха?

Спиридон подмигнул и опять шлепнул жену по спине.

Степанида заулыбалась и прослезилась, как всякая мать, желала я видеть сына около себя, и женатым.

III

ПО ПИСЬМУ— сегодня Степа придет.

Бедная неприглядная квартирка сияет особой чистотой. Из двух комнат одна лучшая и светлая приборана для него. Кровать, на которой спал Спиридон,— для него же: старику по его годам и на чужое ладно. Достала Степанида из суничка простыни, наволочки, одеяло— то, что дала за ней в приданое, заветные, недержаные, и набросила на первую перию.

Кажись, обидеться не на что.

Бредет старая на кухню, наливает самовар, ставит на место. Лучники напидала и положила на шесток. Все готово. Приедет, только чиркии— сразу киянок поспеет.

А волдыри то в кадке и не осталось. Как всегда, солнечные лучи ослепляют старые глаза, когда Степанида выходит по воду и первые шаги она делает, как слепая.

Соседка Мироновна, мать Верки, будущей невесты Степкиной, стоит у дома и развешивает белье на растаявшие бечки.

— Проккопьевна,— кричит,— что сынка не встречаете?

¹⁾ Переметы— приспособление для ловли рыбы.

— Ась, — откликается Степанида, — да отец на работе, а я куда?
— Обовок тебе навезет?
— Про то не писал. — Улыбается Степанида.
— Бурлаки без обовок не приезжают. Только не встречаете, как бы не рассерчался...

И верно. Ну и отец, ну и мать — скажет: корова когда ко двору идет, и то такую хозяйка встречает, а тут сына... Торопится Прокопьевна. Обратно с ведрами, что молодка подпрыгивает. «Одна встречу». Поставила воду в сенцы, входит в избу — на стуле какой-то парнишко, грязный да мохроватый сарити.

Нахохлилась старушка.
— Что надо? — спрашивает, — по какой нужде?
Тот привстал, рот раскрыл.
— Зашел в чужую избу и стоит, как истукан.

— Мама...
Выстрелил в Прокопьевну: покачулся.
— Степа... голубочек...

Упрятала лицо на грудь, уцепилась за шею и точно околечена. А Степа морщится. Отвык от материнской ласки. Растерялся. Разомкнул ее руки, разделся и прошел в ту комнату, где чаевничают и обедают.

— Что ты мама плачешь, — говорит, — радоваться надо.

Не знает того, что от радости слезы. Похлопотала Степанида с самоваром. ворочилась, стала у притолки, кулаком щеку подперла — смотрит. Сидит Степа на табуретке, точно чужой по стенам озирается. Ни одной черты, ни одного пятнышка от старого Степника не осталось. Пушок по подбородку вьется. Хочет Степанида слово сказать, да язык во рту заблудился.

— Каково присихал? — спрашивает.
— Хорошо, — поспешно ответил, тоже о чем говорить не знает.

Подумала Степанида — опять спросила:
— Кто тебе там белье-то стирал?
— Хозяйка. А что, мама, комсомольская ячейка здесь есть?
— Хватает такого добра. Ты у этой хозяйки-то на постое стоял?
— На постое. А сколько человек в ячейке, кто работает — не знаю?
— А шут их знает. С тридорога поди хозяйка-то с тебя драла?
Поговорили так — зевнул незаметно Степа.

— Не спать ли хочешь? — всполохнулась Прокопьевна, — я налажу.

Встал.
— Не надо, — отвечает, — пройдусь по улке, в голове что-то мутно.
— А самовар-то?
— Я скоро. К отцу в мастерскую сбрую.

Просияла Прокопьевна: то-то, — размышляет, — старик обрадуется.

Надернул Степа куртку свою кожаную драную, без пуговиц, вышел и как в воду канул. Самовар пел, пел, замолчал, а его нет да нет. Подогрела Прокопьевна — не идет. Приютилась под оконце, жлет, тоскует.

— И какая я глупая, — думает, — парень с отцом засиделся — вместе придут. Смотрит — один Спиридон бредет, подложком подпрыгивает.

— А Степа-то где?

— Разве присихал?
— К тебе пошел.
— Не видел.
Сиял Спиридон на крыльчке обутку, вошел в помещение.
— Вырос? — спрашивает.
— И разглядеть-то по-хорошему не успела.
— Про меня спрашивал?
— А вот уж не слыхала.

Спиридон крякнул, запалил трубочку и поучствовал в горле садящую боль. Ни обедать, ни пить чай — не садилась, ждали. В доме, пронизанном косыми солнечными лучами, было лениво и тихо. Потом Спиридон пошел посмотреть на постройку дома, и возвращаясь обратно у самого порога услышал:

— Каких новостей-то сказывал — говорла соседка Миронова. Чай досыта с матерью наговориться успел?

Прокопьевна отвечала:
— Говорил-то много, да память как сито ничего не упоминит.

Спиридон стало жаль старухи и стыдно за ее вранье. Чадная кухня была полна стрекочущих баб. За столом, раскину по стулу жилватые, копотные руки, сидели товарищи Спиридона по мастерской и дымили махоркой. Пришли посмотреть на него и послушать новостей. Особенно неприятно было видеть Спиридон среди этой сборниа крестного Степки, слесаря Лукича, который радостно шевелил острыми, тараканьими усам.

— Вот и сам налицо, — сказал он и засмеялся, — с приездом сына.

— Спасибо, — ответил Спиридон.
— Не терпится на крестничка взглянуть, — продолжал Лукич: помню, как крестили, держу я его и думаю: кто то из тебя горемычного выйдет? Никак не представлял, что комиссар — растет...

Старший пиловаст Пафутьев, желая ободрить приунывшего старика, сказал:
— Гордитесь сыном можете, Спиридон Егорович.

Спиридон вздохнул:
— Погодите братья, — сказал, привел.

Прошло полчаса. Степа не приходил. Краска стыда горячая и жгучая залепнула выцветшие щеки Спиридона. Разговор умолк. Гости переставали выслушивать и поемного разошлись. Часы показывали одиннадцатый час.

Спиридон помолился богу и залез на печку. Обычно, одеревневшее тело требовало сна и пригуливало все мысли, даже если Спиридон о чем-нибудь и хотел помянуть. Сегодня не спалося. Чуткое ухо слышало тресек. Спиридон свесился с печки. Прокопьевна раскрывала Степкин коробок.

— Матка. Оставь!
— Отстань!
— Заметит.
— Не чужие.

Бедная старуха, хотя бы по вещам хотела хоть что-нибудь разузнать о Степе. Спиридон спрыгнул с лежанки. Оба припали над незатейливой берестявой посудинкой. Из груди беляя, подтяжек, ремешков Спиридон выловил книжку и прочитал по складам: «теория исторического материализма».

Слова были непонятны, и Спиридон испугался, испугался за сына, который читает непонятные книги. Еще не видя его, он почувствовал в нем чужое, враждебное, и бросил книгу на пол...

IV

СТЕПА пришел, когда пели вторые петьица.

Мать впустила его, собрала поужинать и спросила:

— Что надо, спрашивает, по какой нужде?..

— Где был?
 — В ячейке. Отец спит?
 — Спит.
 Больше мать ничего не сказала, но у нее постели Степа услышал робкие, мокрые всхлипывания и шопот отца.
 — Перестав!
 — Не могу... Как сердце-то ныло... ждала... А ои... в ячейку... Отпу—матери слова не сказал... атам... наговорился...
 — Перестав—прикрикнул отец,—спать мешаешь.

Степанида долго еще всхлипывала, зарывшись в подушки. Ее дряблые щеки раз'едало и жгло слезами. Она вспоминала сына, каким он был раньше, ласковым, тихим, нежным, с волосами мягкими и закрученными, как у барашка. Теперь волосы развиллись, стояли торчком, голос загрубел, затвердел, а этими внешними переменами, переменами тела, мать угадывала другие перемены, которых не увидит глазом и не потрогает руками...

Вынули, вынули окающие душу из парня, по ничке выдернули, — думала она, не смыкая глаз до расвета.

И ей хотелось задержать Степу у себя, пробудить в нем душу, женить, чтобы он был и прежним, и ласковым...

V

СТЕПА проснулся, когда отец умытый и одетый уходил на завод и ждал, пока жена в узелок завернет еду: по причине старости он обедать не приходил, а ел в заводе.

Потом уже мать осторожно начала вздыхать, говорить про домашние нехватки и, наконец, полупешотом спросила.

— Старик-то интересуется привез ли ты денюжок сколько нибудь?

— Сто рублей есть...

— А то уж мы бедствуем шибко.

— Сто рублей у меня есть, — повторил Степа.

Старуха просияла:

— Вот и хорошо. А то старик беспокоится. Дом мы строим,—прибавила она хвастливо и посмотрела сыну в лицо, но не увидела ожидаемой радости и не хохотала брови.

Вечером Спиридон, все еще вз'ерошенный и сердитый, повел Степу посмотреть на постройку. Работники, как муравьи, чернели на лесах, взмахивая топорами. Старик жмурился, прислушиваясь к звукам, как к музыке. Лицо его размягчилось, просветлело, борода вспыхивала от заката то красным, то желтым огнем, пальцы рук шевелились в радостном возбуждении.

Доволен, хозяин?—кричали работники.

Спиридон подошел к срубам вплотную, жадно втянул раздутыми ноздрями запах смолы.

— Спасибо, братцы, самогонкой напое...

— Когда деньги?

— Завтра, ребятушки, завтра...

Он повел сына к реке показать, где он поставит перемет для ловли рыбы, показал потом места, намеченные под огороды, и заговорил про хлев и баню, которые тоже нужно будет строить. Голос его был воркующий и теплый, он дергал сына за локоть, заглядывая в лицо.

Сын молчал.

Так они вышли из леса. На опушке тоже строился дом, большой, в два этажа, с широкими окнами. По густой паутине лесов черными лауками ползали плотники. Целые стала ребятишек бегали около, со свистом и гиками, подбирая щепки в корзинки для растопки печей.

— Это чей дом?—спросил Степа.

— Заводский. Весной комиссия по фатерам ходила—признали фатеры вред-

— Какое беспокойство? Завод-то ведь ваш, твоей. И дом, в котором ты живешь—твоей.

Старик шел, понуро свесив голову.

— Не могу я привыкнуть, что дом, где я живу мой.

— Нужно привыкать. Пора привыкнуть.

Степа замолчал, тоскливо удивляясь той мужицкой силе, которая засела в отце.

—Как ему объяснить,—думал Степа,—что рабочий не должен иметь никаких домов, что в советском государстве это вовсе не нужно. Что когда появляется свой дом, свое хозяйство, то завод уже будет чужим; что тогда будет своя работа, работа в курятнике, и чужая: я заводе... у станка...

Пугаясь и краснея, Степа пробовал это объяснить старику, говорил, что нелепо строить себе конуру, когда рядом заводууправление строит прекрасные дома для рабочих.

Старик упрямо качал головой:

— Нет, сынок, не уговаривай. Еще когда ты в пеленках был, мне и тогда дом снился. Да вот теперь только счастье-то улыбнулось.

— Отец, строй свое счастье с другими, а не отдельно.

VI

ДНИ ОТПУСКА быстро подходили к концу.

Днем Степа уходил в чаруса на охоту. Забывшись в глушь, он снимал ружье, прислонял к дереву и ложился на мох. Под тяжестью тела мох продавливался и плотно охватывал Степу мягким, влажным объятием. У Степы кружилась голова. Он лежал не шевелясь, прислушиваясь к шопоту земли, к медленному задумчивым разговорам леса и смотрел на небо. Небо меняло цвета и казалось живым. Степа лежал так часами, без дум, без желаний ни разу...

По вечерам уходил в ячейку, где вел политкружок. Сидеть дома было скучно читать в отпуску не хотелось. Днем отец был в заводе, а по вечерам сутеллся около постройки. Мать не знала о чем говорить со Степой, по целым минутам смотрела на него недоумевающе, тоскливо, отсыкаясь в нем прежние, дорогие для нее, не находила и отворачивалась.

Раз она заговорила о женитьбе.
 — Пока еще не думаю,—ответил Степа.

— А то женился бы. Бродяжничать то брось. Пора и дома пожить. Останся здесь и живи с молодой-то в новом доме. Умрет отец—хозяином будешь. Уж очень мне внуучка хочется. Так начебно умру не дожидясь...

Степанида задумалась.

— А то женись на Вере Ипатов...
 Она согласна.

Старик взяв молотком.

ными для здоровья. Вот и начали строить. Раньше в таких домах только управляющие не жили,—сказал старик, любящаястройкой.

Был субботний вечер—завод не работал. С поселка плыли песни и звон гармоник. Навстречу им с разных сторон неслись стужи топоров, точно тысячи дятлов засели в лесу и долбили деревья.

— А это где стучат?—спросил Степа прислушиваясь.

— А это рабочие. Жить то повольготнее стало, каждый и норovit собственный домик построить. Так уж истари на наших заводах ведется...

Из лесу, из лощин слыся синий дымок. Деревья, точно вспотевшие, дышали влажно и блестели потом.

— Отец,—спросил вдруг Степа громко,—для чего тебе дом?

— Как на что? Жить.

— А ты разве на улице живешь?

— Живу в фатере—это правда. Но только фатера, не моя, а заводская. Живешь, а все беспокойство чувствуешь...
 Степа почти закричал:

— Мама, сказал Степа резко, — я знаю на ком мне жениться. И не заманивайте меня вашим домом. Для меня он тесен.

Старушка поникла.

— Не жалей ты меня, Степа...

— Очень, мамаша, жалую, но сделать-то по твоemu я не могу. Меня комсомол, меня партия не отпустит. Я нужен для другого.

Но Степанида уже всхлипывала в платок, чувствуя, что прежнего Степки нет и не будет, а таким, каким он был, сердце старухи принимать не хотелось...

Раз Степа услышал, как отец разговаривал с матерью.

— Что же он деньги-то не отдает, — удивлялся отец.

— Ждет когда попросят, отвечала мать.

— Гордый какой, подлец.

Степанида в тот же день осторожно спросила:

— Ты деньги-то не издержал?

— Нет.

— Батько очень беспокоится, — задумчиво продолжала Степанида, — ты дай мне, надо за дом платить...

— На дом я не дам...

«Вынули окоянные душу из парня, — подумала Степанида, — мало что вынудить-даvelope вселишь».

— Так ведь дом-то не достроятся.

— То и хорошо, что не достроятся...

— Да ведь ты же в нем жить-то будешь?

— Да он мне не нужен.

— Жалко денег-то, говори правду — чуть не плача проговорила Степанида.

— Ничуть, мамаша.

И на другой день Степа в заводском кооперативе закупил на все 100 рублей щетки, посуды, самовар, разной другой мелочи и все это отдал матери. А как-то было его удивление, когда в тот же день Спиридон тайком стащил все это обратно в кооператив, получил оттуда деньги и отдал работникам.

Сруб уже был закончен. Работники собрались уходить в деревню, но Спиридон решил поручить им заводю покрыть дом крышей.

— Все равно деньги-то платить надо... кому-нибудь...

Работники согласились.

— Давай тес, хозяин.

— Тес... тес... дорого больно стоит... денег сейчас нисколько...

— А тес надо, — сказали работники.

— А тес надо, — согласился старик.

— Спроси на заводе... дадут...

— Я уж и то у них бремен бесплатно выпросил. Не дадут. Погодите, ребята.

Спиридон завел работников в дом и начал шептаться. Тес был добыт. После этого отец утешал их самогонкой. На Степана вопрос, откуда тес, он находил брови и сказал, что тес куплен. Степа не поверил и в тот же день спросил у ночного сторожа:

— Ничего у вас на заводе не случилось?

— Тес с баржи украли...

Степа, покачиваясь, отошел от сторожа. Был вечер, неподалеку из клуба шел ровный гул; там шло общее собрание рабочих.

Старик сидел на ступеньке, босой, закусив бороду и пытая, выпрямлял молотком ржавые гвозди, и бросал в ящик. В дому мать гремела ухватями.

Нагреб новой кучи щепы и чиркуна спичку.

С моря дул горький, густой ветер и взвивал на улице седую пыль.

— Чего надулся, — сказал Спиридон, — помоги отцу.

— Для дома гвозди-то выпрямляешь?

— А куда же их. Мало ли требуется — все покупать — денег не наберешься.

— И тес... воровал... тоже для дома?..

Старик отложил молоток в сторону и огляделся по сторонам:

— Тише ори...

— Ах, отец, отец, как тебя дом-то заполонил, что он с тобой сделал! Воровать с завода... Говорим о социализме... А тут домки...

Степа почувствовал, как вздулись виски болью и волнением.

— Ну что мне с тобой делать? Как комсомолец я должен отвести тебя в милицию за расхищение народного, т.е. твоего же достояния... Ну погляди на себя: на заводе собрание, а ты гвоздики ковыряешь! Разве это рабочий?

Он говорил сурово и холодно, как чужому. Старика удивлял и бесил этот чужой и холодный тон.

Его короткая, жилистая шея полуподвела, на щеках выступил пот.

— Молчи, — шенюк, — заговорил он негромко и сильно, — книжечка начитался, отца позорить, беги в милицию, позорь отца, чего стоишь... беги...

Старик взмахнул молотком.

Сын едва отвернулся от удара.

— Вот, чертова отродье, — ругался отец, — приехал на месяц, а всю душу вымотал... Привез бы денег больше, не стал бы воровать. Сами выговаты, а тоже лают... черти ученые.

VII

Что делать, — размышляла Степа — неужели оставить так? Ведь засосет его дом этот проклятый, курятники эти проклятые. Неужели нельзя помешать?

Вечером пошел в лес, полный смутной тревоги, сам не зная, что делать. Крыша на доме уже была сделана. Ветер гонял по поляне белые завитушки стружек...

Если уничтожить дом... Отцу не поднять другого. Погорюет и останется прежним.

Дом в белой подвевке стоял на пригорке, как враг. В черных пустых оконных провалах Степе чудились на-смешливые зрачки. Темнота густо прилипла к дому, визла к земле и только вверху над макушками леса яселло и розовело. Как в чаду, поднялся Степа по небурным лесам, прыгнул в окно, нагрел ногой кучу щепы и чиркуна спичку.

Пальцы дрожали. Огонек потух.

И вдруг Степе до боли, как в детстве, стало жаль отца, тех усилий и старческих упований, которые вложены в этот дом... мелькнуло плачущее лицо матери...

— Не любишь ты меня, Степа.

— Мама, дорогая мама...

Степа стиснул зубы и чиркнул вторую спичку. Желтый язычок протянулся к щепам, полизал, ушелся и расскрека в стороны, потрескивая и шипя. Вспух горький дым, брызнул в глаза, в уши. И скоро на поляне у реки, где высились неостроенный дом, где человек терпеливо воздвигал свое одиночное счастье, зашелестела золь, потому что это счастье было ненужно и неумно другим...

Страница стихов

Об атом же

Как и все
Кришненьки фронтами —
Я любил русские и пламяет,
Я дружил с железными громами
В аскадронах
И шевелях рот.
И было так обычно и понятно:
Кто не с нами,
Полержимому ескимай...
И нельзя в пылу отважи ратиний
Пугающий дождь не полюбить.
В влюбой простор
Учмялись тучи.
Призвали пожар былых огней.
И опять
Спокойно и тлелуче
Потинулись нити мирных дней.
Но вчера —
Сказали про Марокко...
Эх, борьба,
Полержимому ескимай...
Но лежат в спокойствии влюбкою
Величайей
Мирный
Край.
На полях,
Нид пачишнейя рожью,
Разувался розовый туман...
Только я обин с влюбую дрожью
Вновь вяжучу
Туда,
За океан.
Также вот
Спокойно и широко
Расцветали риффские поля,
Но зрвса наврнула в Марокко
С арабского корабля.
Завылало поле золотое,
Вразлей ковч
Пшеничку уюталла...
Не волнубаясь, сердце боевое —
Вижу я лицо твоё немое,
Брат мой, рифф,
У дальнего хребта.
Вижу я:
Враги не онступают,
Но кричу друвалям за рубежем:
— Не давайте знамя, умирая,
Умирайте, но за право
Жить.

Иван Мачанов

Шпингалет

У друзей есть звонкою монетой
Доверку неподвижный карман,
У меня лишь вьюсь шпингалета
Да веселый песенный жланет.
Ну, так что-ж! И этим я доволен,
Вот, как станем зорька пыхлеть,
Выхожу я в друмящие поля
Тышнучу шустрыми вувель.
Одн им, песня, песня воровая,
Не с тобой ли радостно жить!
Не в тебе ли, песня, выплывает
Иду своим зветное мое.
Не беда, что мною искалечен
Не стоим, из-под картовки куль.
Напалевать, что наманья при еспиче
Креще зажимает ридишью...
Говорят про Женьку Копылова:
— Он в поселе первый шарпанан.
А про то не выронит и слова,
Чтою парнича Молодостью лян.
Всяким словом долга принадета.
У друзей, вот, денежный карман,
У меня лишь вьюсь шпингалета
Да веселый песенный талант.

Евгений Копылов

У верстака

Я пока у верстака
Стружски кружат хороше
В стороне — мотор поет:

Посл. Ж. Б.

лишь четыре дня,
около меня,
мотор поет:
мотор свистит ремня,

Солнце прывает в глаза:

Оворует, езозо — Что ему мой стол? —
Попылаю на пол.
Со столом жес — впрямь беда:
Не водится никуда,
Ножки пламят, пламят врозь,
Отстаёт фанера,
Обструвал все —
кряк и екошь:
Ящик взять, к примеру.
Ну, и что-ж. Севодня — скверно,
Захра будет лучше,
Через мюль — стол примерный
Станет в фазовку.
Так, что, сколько ни вертись ты,
Хоть ты, солнце, пресуди,
Стоя мой будет слезам чисто —
Лучший во всей Пресе.

В. Бершадский

*

По дорогам, по болоту широкой,
Что ведет лесами на уезд,
Прошлый год прорезали влюбую
Комсомольцы заступами крест.
Это — крест извечному трехполю,
Это — крест не изжитым крикам.
И влюбой веселой комсомолье
С муром шла по новым борбам.
Многосовье в маленьком уапске
Урожам естало на уме.
И светились сердце счастьем
В деревенской сонной полутыме.
А крестьянни, поучая клучу,
На ежучку землицу борбоя,
Клуповищем в сторону маячка
На затею новую реяли.
Под бррозжанье и под мат папанши,
Под пачены, бабий спор,
В сарафан оделась пачина
Заклнчанным ятяк еперек.
Одывает ночка бунзережку,
Заживает в окна боеньки,
И летит к нам радость на ячкучу
С новых комсомольских ния.
А на вясну, перфод есплашки новой,
По сезу трезвонки бубенч,
Шли на клучку в хату комсомола
Из каморк за отцом отец,
Первый раз влюбую корвою
Показал крестьянам сердца жар.
И впробился клевером кудрлятам
На сердцах у ятяк урожай.

Владимир Воинов

Коммуна

Вот он, есенский Коммун Союз!
Как колны, клелучу в нем равные расы.
В нем ни борбоя, ни классов,
Витами сброшен их жестокий враг.
Горой — волубая мечня,
Палаццо — Монблан.
Радио-ворота
Качает полумела.
На упречный труд
Сывает эфирный руор.
Пальмы в зеводях цветуют,
В зеводах хрустальный купол.
Искривленно мосты висят
Над пропалевым искривленным урн.
Былариные поезде
Весиумным улемь
Сверкают в вородох.

II

Рычат; и застынут тучи.
Дождь надо:
Рычат — в дождь их.
На крышах свиста спрутятся ручьи,
Цепнут магнетики,
Сорвется солнышек текучими,
воздух мосты,

Тысачи солнцу кружатся
В столовых многоэтажных палаццо,
В тонких трубочках пылательный газ,
Фониты килевый воды:
Севодня вечер нечлчи есененских рас.
Севодня в ввозухе аэропланной бой.
Машин солнечеруких тени.
На площадии радио-руор.
— Слушайте!

Ковда-то —
Севодня далеких лет —
Шел брат на брата,
Чтобы в поле оставить белый скелет.
— Слушайте,
Радость в труде мировых коммуни,
В неизменной еснел!
Человечество вечно юно!
— Слушай клич минувших дней:

Война — войте!
Ветер качает крылья
В влюбых лучах...
Закат.
Эскадрильи
Со всех концов земли летят
К Великой мюлье.
Ильича.

Александр Поморский

*

Вшиневые пылают зори...
Стучи, есеный звонкоруб,
Ах, но упрям удары крещи —
Влетают ласточками цулки,
Нырют в стружковое море.
В кудряво-золотую влюбую.
Лила урчи, вонзая зуб...
Держи ровнее колонию —
Она тебе не кривобудит.
— Э, ничего, что будет грубо,
Крещисные теплее струбы...
Я стало к солнышку око.
Снеши, снеши, пачун-рубанок!
Смотри, опять весна крузем —
Тобя в мне урчи не рано:
Зеленой песней едет весн,
Весна поля цветом явлет —
И зацветет садами дом.

Иван Валая

Футбол

Слушается часто:
Голкипер парнич,
И мимо трупивого бека,
Качаясь, влетает стремительный мяч
В сквазные ворота с разбега.
И в яростной панике
Все форварды:
Такого позора не снесет им.
Заминка —
И вновь налетает орда
И топчется долго на месте.
И топчется далеко.
А это живет
Ударом лухи и раскалным,
И с тышнучим апартам
Взирает народ,
Откинутыми амфитеатром.
Я тоже сюда приходил
И платил
Потышнучи за место на хамме
И с самым трезвонным моментам еволя
Ростеряшными руками.
Соседи мои
Завели на стене
И часто меня прерывали
Неистовым евозласом:
Брвоо, сильней!
И дружно пачками махали.
Как древний афинянин, полунагой
Голкипер метался у штанги.
И врезал мяч, но под жесткой ногой
Назад полетел бумерангом.
Слушается часто:
Голкипер-парнич, —
И мимо трупивого бека,
Качаясь, влетает стремительный мяч
В сквазные ворота с разбега...

С. Оландер.

МАКАРКА

М. ПЛАТОШКИН; иллюстр. Д. МЕЛЬНИКОВА.

(Продолжение).

III.

ЗАМЕРЛИ корпуса: ни дыхания, ни шума. Глядят змуро ч ринами, грязными массивами в тишину ночи, молчат. Прикрыли своим телом станки, берегут от лихой непогоды. И тихо в корпусе, так тихо, даже жуть берет. В лесу хоть ветка хрустнет, птица вспорхнет, а тут ни звука. И странно как то. Еще недавно гремели, рычали, взвизгивали станки на все голоса и звуки. Тянулись лапы ремней, вертелись приводы, моторы, краны, громыхали над головами, голоса своего не слышал за железным разговором. А сейчас тихо. Стукнешь ногой, ударится этот стук в уши больно, и сейчас же проглотишь его тишина и темь. Хочется крикнуть и боишься. Боишься, что сейчас же проглотит твой голос темнота, обступит тебя плотней, задушит. Какими то чудовищами кажутся черные массивы станков, с длинными, пропападающими сверху руками. Замерли корпуса Отработали день — и на покой. И ждут терпеливо прихода своих хозяев. А хозяевам мало дня. Не вычерпали из них силу стальные машины в восемь часов. Разбились они по новым мастерским, подковылают себя, чтобы лучше править стальными машинами, быстрее пробивать дорогу к новой жизни.

Вон окна столовки расцветают желтыми ботунами, светятся стекла фабзавуча, несутся голоса

из открытых окон завкома. Как и днем, бурно бьется жизнь рядом с дремлющими корпусами. Как и днем созрелоточено и деловито сидят засаленные хозяева на собраниях, за учебниками и, дымя папиросами, еще добро просят слова. Бьется еще заводская жизнь, жизнь собраний, кружков, учебы.

В комсомольской ячейке тоже жизнь не затихла. За столом, над распластанной стеногазетой нехотя сутулился Валька, замполитпросвета. Дописывает последнюю статью, срывает по лавке и бормочет. Бормочет недовольно о том, что все разбежалось по собраниям, и он один должен заботиться о выпуске. Смешался Валькин марксистский зачес, свесился на глаза волосы и надоедливо щекочет лоб, глаза. Валька нетерпеливо, взмахом головы, откидывает их назад, закусывает губы, а они снова и снова лезут и будят желчную досаду. Наконец Валька не вытерпел. Стукнул ручкой и ладонью по столу, выпрямился:

— Ну вас к чорту! Обязан я за всех отдаваться! К чорту краски, ручки, все к чорту, — и он ожесточенно начал бросать на лавку все принадлежности.

Напротив, угнувшись в Молодого Ленища сидел Макарка. Лениво бегали по строчкам глаза. Вальдй взгляд тоскливо озирался на дверь. Он быстро отнял газету и остановился на полуслове. Вспомнил, как месяц назад, когда прикрепили его к политпросветколлегии, подошел к Вальке веселый и уверенный.

— Ну, Валь, теперь работы дайвай мне, что хошь сделаю.

А Валька посмотрел свсысока и усмехнулся.

— Что? Сам в комиссары пошел. Ни черта в работе-то не понимаешь, шкет соллывай, это, ведь, не в карты играть.

Словно обожгло Макарку, нутро за-

— Писали бы у тебя карты в руках. Макарка дернулся вперед, сжал кулаки, но... В ячейку вошел высокий, сухой политпросвет.

— Вот тебе работничек ходит, — хмуро заборотал Валька, закуривая папиросу, — когда же коллегию собирать будешь?

Политпросвет примиряюще улыбулся.

— Брось ты... не в духе, что ли. Знаешь, дайвай, на минутку проверим, а? План составил.

— Катись к чорту, с планом то. Нужно работать, а не планы составлять. Засел не на свое место, теперь и бегаешь. Нужно самому то котелком варганить. На чужих плечах любите работу выводить.

Валька опять всколик и застучал по столу кулаком.

Политпросвет стал говорить, что так работа не может пойти, нужно вместе. «Ты опытный и должен помогать... Валька не дал ему договорить:

— А... опытной? Опытней, говоришь? А зачем тебя политпросветом поставили? А? Зачем?

Он вышел из-за стола, кричал до хрипоты, ругался, а когда политпросвет вышел, долго задумчиво расхаживал по ячейке.

— Никакой работы от него не будет. Как от козла молока.

— Почему? — встрепенулся Макарка.

— Не может. Не хотели меня, не надо. Я подожду. А только не по чести, знаешь, Воронов, я больше всех в ячейке работал, всю работу на себе вывозил, а меня заместителем. По правилу это? по чести?

Валька заметно дрожал. Давно застал эту жалобу, да молчал, знал, что смеяться будут. А тут прорвалось будто. Подошел к Макарке, обдавая лицо горячим дыханием, и, торопясь и захлебываясь, высказал свои мысли. В глазах спелка светилась злоба, а потом вспынуло огнем увлечения своей работой, голос зазвучал уверенностью и силой.

— Вот ты говоришь — работу тебе дать. Молчи, Воронов, ты только держись за меня. Вот буду политпросветом, я покажу, как надо работать. Они думают, я дальше заместителя те пойду. Посмотри, я теперь покою не дам никому, а Вань-ку выжишу. Валь, смейтер тошно. Никакой работы. Что он сделал Трапка. Поверишь, руки отваливаются. А я зай-

«Колка с презрительным удивлением поглядывал в его ожидающее лицо».

щемило. Покраснел весь и губы прикусил. А только карты с этого дня в руки не брать. С головой в заводскую работу ушел. За станком четыре часа, как вросший, и работа огнем горит. Мастер и то поспевать начал: «Раскешок, дескать собьешь». В ответ только сильнее навалился Макарка, и даже досадо ему, когда звонок заребезжал. В школе тоже себя на яг поставил. Не хотелось, чтоб Валька мог уперкнуться. Зляло его, что он не дает работы, чувствовал: шпаной считает.

И сейчас, когда Валька бросил писать газету, думает.

— Даст ли нет?

Проглотить хотел его глазами, в нутро залезть. Влился, — не оторвешь, даже лицо налилось кровью. Секунд пять смотрел так и подлился.

— Валь! Дайвай, я буду писать.

Валька с презрительным удивлением поглядывал в его ожидающее лицо, и насмешливо кинул.

«Он стоял перед ним весь черный, с блестящими, пристально разглядывающими глазами».

мус, всех ребят активными сделаю. Знаешь, я в Рязани секретарем был. Не такая работа. А это пледовое дело. Он презрительно силилону и сверкнул глазами. И как-то выпрямился весь, вырос.

Смотрел Макара на него злыми глазами и молчал. Уж не раз обещал работу,— не верил теперь. А от его открытости कुछ разбирая ласда. Встал, сказал в глаза:

— Сволочь ты, Валька, больше никто. Трещай.

Покраснел Валька, но смолчал, только глаза по-волчи вспыхнули. Макарка вышел. Ночью по вечерам оставался в ячейке, чтоб ребята не затянули в карты. И какое-то разочарование, скука глубже и глубже оседала в Макарке. Остановился уныло за дверью. Хотелось бросить ячейку и итти к ребятам, к картам, но тут же старательно стал заглушать эту мысль. Вспомнил, как три дня назад затаячил его ребята к себе. В лок напояли. Макарка и не противился. Махнул на все рукой. Сам посылал за самогоном. А когда шел домой, в темном переулке встретил двоих ребят. Не доходя, услышал Андреев голос и похолодел. Остановился, попятился назад и, стараясь не качаться, стал обходить стороной.

Когда поровнялся с ними, Андрей окрикнул:

— Макарк...

Помоцал, еще крикнул и снова заговорил с товарищем.

Дух у Макарки заняло. Думал: вот-вот подойдет сейчас, узнает,— и пропал бы. Старался ускорить шаги, но ноги путались, качало из стороны в сторону. Часто оборачивался, слушал, и чудилось, что Андрей догоняет. Он опять оборачивался и подолгу смотрел в темноту. Оттуда и верно послышались одинокие шаги.

Вздрыгнул Макарка, торопливо перебежал к темной стороне и, задыхаясь, поспея вперед. Слышал, как шаги становились слышней, ближе, вслушываясь в них на ходу и чувствовал, что это Андрюшка. Ударило в пот, окутывало какой-то тинной ноги, а Макарка летел и

летел, не оглядываясь, спотыкаясь о камни. Сильней звучали шаги—сильней бились Макаркины мысли: Догонит сейчас, узнает. Что-ж, скажет, за этим в комсомол-то пришел? И конец тогда, пропал*. Оглянулся—совсем рядом Андрей. Задрыгал Макарка, рванулся—было, а ноги итти отказываются. Свернул в переулок и встал у забора, тяжело дыша, а Андрей тоже свернул. Будто невзначай прошел совсем рядом,—остановился. Разглядывая в лицо и ничего не говоря, пошел дальше. Стоял Макарка, смотрел широко открытыми глазами вслед Андрею, а он стоял перед ним весь черный, с блестящими, пристально разглядывающими глазами. Неужели не узнал... А я-то струсли... А если-б узнал. Нет. К чорту.

В рот не возьму. Не дадут работы, сам найду, небось*. Часа два не спал, думал, оборачываясь, а сейчас опять тоска защемила. Постоял, что-то вспомнил и бзщел по картам фабзавучу. Остановился в дверях большого класса. За столом сидел Митька фабзаяц, секретарь экривколлегии, и писал протокол. Заседание кончилось. Сзади секретаря столпились группа ребят и о чем-то азартно спорили с Лизкой. В углу сидел Андрюшка экрив, рассказывая деловито нахмурившемуся Ваське о его работе по охране труда. Макарка подошел к ним и сел рядом. Васька обернулся, подмигнул хитровато и опять к Андрею.

— Ну, а в завкоме я что буду делать?

— И в завкоме, брат, много работы. Ты вот что смотри, не прохляпай. Сейчас же начинай проводить медицинское освидетельствование и со списками больных ребят в завком. Будут дома отдыхать распределять, смотри, чтоб на всю молодежь мест дали. Здесь тебе здорово повоевать придется. Если, в случае чего—меня зови на подмогу.

Васька обомни лицом слушал Андрюшку. По красному ушу шекотливо ползли черные мушки пота, но он их не чувствовал. Мил в руках список заводской молодежи, смотрел на экрива.

— А если не выйдет чего, тогда как?

— Ко мне. Я ведь каждую неделю буду отчет спрашивать, у меня не заснешь.

— Да я к тебе-то и так буду.

Макарка завистливо смотрел на улыбающегося Ваську и самому хотелось понаблюдать на его место. Бегают также по разным собраниям, говорить в завкоме, а райком носить, чтоб минуты свободной не было. Вот эта-то и охота задерживала в ячейке. Подсел ближе, уронил недолго:

— Андрюшк... А когда-ж мне работу дадите?

— Тебе?—Андрей нахмурился. Видел большую перемену в Макарке и радвался за него. Не один раз звал в клуб—не пошел. Говорил с политпросветом, чтобы дали какую-нибудь работу, да у того дело-то не ладилось, ходил сам

не свой, не до Макарки. Говорил, что его скоро сменят. А чувствовал, что накапливается что-то в Макарке, мбухает. Не нагури за—лопнет в нем что-то, и пропал парень. Думал у себя, в коллегии, чего дать, а не мог. Ячейка быстро разрасталась. Прикрепленные к своей коллегии и то не всех загружал, работы не хватало. Вспомнил—видел недавно его пьяным, решительно спросил:

— Можешь еще недели две обждать?

— Да что жать-то... Слова один. Два месяца жду.

— Не слова. Говорю, через две недели дадут работу. Политпросвет новый будет. Поговорю с ним—и даст. А нет, так у себя найду. На меня надейся.

Энергии в Макарке прибавилось.

IV

РОБКО ВОШЕЛ Макарка в райком. По железной лестнице старался ступать мягко, без шума и боязливо оглядываясь по сторонам. На лице сквозили и радость, и страх. Смотрел на свою засаленную дочеря белую блузу и краснел: заводом пахла. Наверну, в коридоре, столпились группа заводских ребят с девчатами и о чем-то спорили. В середине здоровый парень стал кому-то нос и поминутно хохотал густым, заводным басом. Около стены толпились такие же кучки, и промеж них шныряли партии ребят, спрашивали о чем-то и куда-то пропадали.

Макарка ободрился, своих признал в засаленных блузах. Затесался в самую середину. Чудно казалось, совсем не думал, что здесь столько ребят.

Вон Васька с сосельного завода, большой дядькин, всегда чему-то улыбається, и такой же засаленный. А вон шкет какой-то, с черной напудренной рожей, как большой спорит с кожаной курткой, как смеется. И весело Макарке толкаться среди таких же засаленных, как и сам, от того весело, что ячейка поручила первую работу.

Пришел наедине Валька с портфелем в завод (политпросветом стал), призвал Макарку и давай наговаривать.

Работы просил. Вали, работай. Я посмотрю. Ты думаешь, работы мне жалко, на тебя я и надеюсь, вот что. По кассе взаимопомощи будешь. В райком заседания каждую неделю...

Наговорил Валька, что и дома отдай кассы будут строить, и столовки, и коммуны разные, так расписал, у Макарки дух захватывало. Ночью не спал, пока дождался райкомовского заседания. И домой не заходя, опоздать боялся. Вся дорога о работе думал, а какой же комнаты забыл от радости.

Только подошел спросить к парню с портфелем, впереди неожиданно появился Валька.

— А а... Воронев... На собрание. Молодец. Дорог парень.

Он первый развязно протянул руку, хотя нынче уже раз десять виделся. Макарка недоуменно смотрел на Вальку. Ни разу таким не встречал. Из-под замоленной шапки топырился черьй букет волос, блстела кожанка, галфе, а под мышкой лосился туго набитый портфель. Обернулся к черенькой, красивой комсомолке, терделиво заговорил:

— Из нашей ячейки парень. Хулиган был, о-о-о, хоть с завода гони, а сейчас на ять. Не думал, что так обернется. Знаешь, ни-черта не работал, в карты резался, пьяник, везде хулиган по девятой категории был. С'агитировали его все-таки, вступил в комсомол. Тут-то мы и ввели в оборотку. Я ему раз такой нагоняй дал, недели две не очухавшись ходил. А сейчас какой стал: примерный комсомолец, честное слово. Со-всем не думал я. И обрабатывать не хотелось. Вот что значит Маркса-то надо больше читать.

Он еще долго рассказывал, как взял Макарку в оборотку, как полезно читать Маркса и Ленина, как надо работать. Слушал Макарка его трескотню и краснел. Понять не мог, с чего Валька так разлюбезничался. Хотел спросить его хоть про комнату, но Валька так же продолжал расхваливать себя, а потом, не кончив говорить, подхватил комсомолку под руку и нырнул в крайнюю дверь.

Макарка растерялся даже. Заглязел бесполокво по сторонам. И очнуться не успел: по лестнице неторопливо поднялись Андрей и Васька. Оба грязные, засаленные. Андрей сутулится, с газетой в руках. Васька веселый, подвижный, заметил первый Макарку, к нему кинулся. А у того уже рот до ушей расплылся.

— Эй, Андрюшк, и вы здесь. Вот чорт, одни наши.

Андрей поднял голову, засеялся.

— А ты зачем здесь? Ого, как сразу по райкомам удряешь.

Андрей расписил его про работу, сказал:

— Будешь собирать членские взносы, только, смотри, в карты не просади, а то беда.

— Ну... что ты — вздрогнул Макарка.

— Да брось смеяться-то... А ты и веришь. Мы, брат, тебя знаем,—весело зачастил Васька, оглядываясь по сторонам.—Ты когда домой-то?

Сговорились из райкома итти вместе.

Кассы взаимомощи только что организовывались, и планомерной работы не было. На собрании стоял доклад о задачах кассы, о работе исполкомочных, но совсем не то, что говорил Валька. Макаркин азарт немного упал. Шел домой с Васькой и недовольно хмурился. Другое собрание назначили через две недели. Еще две недели валандаться зря. А Васька, как нарочно, захлебывался, рассказывал о своей работе.

— Знаешь, Макарк, во где дипломатно-то надо вести. Чичерини пахнет. Не веришь. Переписал я всю нашу мольдеж, вычислил бронь, смотрю, что за чорт... У нас не 8, а 6 1/2 броня. Стой, думаю, номер не пройдет. Я к директору. А он мне, чорт возьми, и давай наворачивать. В литевой ребята по 25 лет, по двое ребенок имеют, а их к броне причисляет, они, говорят, в бригадном ученичестве. Думал, думал я, смотрю: не то. Я к Андрюшке. Обмозговали с ним, а сейчас он такую кадилу раздул, до союза наверно дойдет. Там и броня, и ученичество, все задела.

В азарт вошел Васька.

Говорил о домах отдыха, об обследовании, махал руками, как горячий оратор, кричал, не стесняясь оглядываю-

щихся прохожих. Чувствовал Макарка, что Васька весь ушел в свою работу, смотрел завистливо в его горящие глаза, и на сердце ложилась какая-то пустота от двухнедельной безработицы.

Через две недели пришел Макарка, собрание не состоялось: ребят многих не было. Перенесли на другую неделю. Выбрали троих для разработки плана кассы. Определенной работы не было. Нужно-бы собирать членские взносы, но их никто не платил по всему району. Отчаяние начало одолевает Макарку. Никакой пользы не видел в бесполокво-вой бедоте по райкому. Сходил еще раз пять и к Вальке—другую работу просить. Тот заартачился:

— Ведь, свое счастье теряешь, чулак. Другим бы только понохать райком, а ты... эх... парень.

— Да я же не делаю ничего...

— А на собранья ходишь! Разве не работа?

— Да какая ж работа-то, ну?

— Конечно работа, отчет сможешь сделать, и ладно. А ты думаешь, я то как же? Отчитаться главное, а там лад-о, Эх, Макарка, ничего еще ты, брат, не знаешь.

Макарка бессмысленно смотрел в улыбающиеся глаза Вальки, и руки сжимались в кулаки. Хотелось динуть по улыбающейся физиономии, разбить оскал белых зубов, чтоб кровь выступила, и уйти. Противным вдруг сделался и райком, и касса взаимомощи, а лучше всех Валька.

V

СЛУШАЙ, ТЫ, голова дубовая. Кому я говорю — Чижов остережено стукнул кулаком по парте.

Гришка вздрогнул и ниже согнулся над тетрадью, давая ему место.

— Ну, говори, как ты делал. Ну, говори, показывай...

Гришка туло моргал бровями и молчал.

— Эх... идиоты — сквозь зубы прошипел Владимир Васильевич и стал проверять задачи.

Брови сердито сдвинулись. Фабзайцы оглядывались на Гришку и снова углублялись в тетради... Макарка что-то чертил, то и дело отрывался и со злобой смотрел на Чижова. Раза два вскакивал, собираясь заговорить, но сдерживался. А когда Владимир Васильевич после Гришки подошел к другому парню, Макарка не вытерпел. Злой, требующий голос разорвал тишину:

— Владимир Васильич, что вы смеетесь, что ли? Я с каких пор жду.

Чижов спокойно обернулся и молча ушел в тетрадь, на тонких губах скользяла усмешка. Макарка смолчал. Видел, что нарочно, на зло не подходит,—мстит за прошлогднего

голубя. Васька сел было рядом с Макарькой, чтоб объяснить, Чижов взелся.

— Бляков, что за хулиганство! Вам кто велел садиться?

— Нужно показывать.

— Без тебя покажут. Пошел на место.

Макарка вспыхнул. Давно собирался осадить Чижова. Говорил с Васькой, собирались написать заявление и через ячейку хлопотать о его снятии. А теперь хотелось заявить об этом Чижову, предупредить его. Раздраженно вскопич.

— Так какого же ты чорта не показываешь, а то и мы по-другому действовать будем — и вызывающе устался на Чижова.

Тот сперва поблелел, вытянулся, потом глаза, лицо, губы медленно стали наливаться кровью. На блу красным рубцом вздулся жилы.

— Во-ро-нов! Вои! Вои! сию же мину-ту,—бешено закричал он и, подскочив, схватил Макарку за руку, а другою показал на дверь.

Глаза, казалось, собирались выско-чить, протрянувшая рука дрожала.

— Вон, мерзавец, вон.—он, крепко стиснув от напряжения зубы, сжал Макаркину руку выше локтя и с силой выдернул его из-за парты.

В ту же секунду злесткий удар по щеке раздался в классе. Чижов опустил руку и порывисто схватился за щеку. Макарка, ни на кого не глядя, взял с парты фуражку и вышел.

Сердце не испугано, а остережено билось. Он и не думал о том, что ему будет за удар, а только о какой-то яростно вспоминая придирки Чижова. За малейшее опоздание жаловался в завком, не переносил возражений, и чтобы никто на его уроке не смел ликнуть. Ребята раза два вставали против него, но Чижов хитрил: держался в школе. Он тесно сошелся с главным инженером, и тот по всему заводу говорил, что без Чижова школа развалится.

До окончания урока Макарка ошивался в ячейке. На сердце навалилась тоска. Раньше не такой был. Раньше ячейка бодрила, в ячейку верил, а сейчас вся вера пропала. Часто над Валькиными словами голову ломал... „Мы все так, отчитаться главное“...

— Что же и Андрей, значит, и Васька. Да нет! Кто он треплется-то—раздраженно кричал, сам себя уверяя в чем-то, Макарка.

Макарка, ни на кого не глядя, взял с парты фуражку и вышел.

И не мог уверить. Блестит Валькин портфелем, затемиет все. Видел Макарку, как Чижов с завязанной шейкой бежал к директору, в завком, грозил ему сзади кулаком, жалел, что плохо ударил и что теперь самому не придется хлопотать о снятии Чижова.

ЗАСЕДАЛА политпросветколлегия. Макарка сидел у стола и небрежливой вертелся на месте. Он словно ожив, смеялся, бузил. Весело было: дело нашло. Ничего его вопрос о Чижове. Сделали наперед фабзайтс собрание, сколотили коллективное заявление и поручили Макарке проводить его через просвет-коллективу. Гордым, хитроватым взглядом оглядывая ребят и выбирая мысленно: кого себе на подмогу взять.

Председатель Валька вытаскил из портфеля пачку бумаг и открыл заседание. Первое слово взял для зачитки информации. Ни разу без этого не обходилось.

Нарочью собирал как можно больше информации райкома, иногда попадалась и прошлогодняя, но он все зачитывал с видимым удовольствием. После, в дополнительном слове особенно упирал, что эти вопросы „мы сами разбирали в райкоме“. Информация длилась больше часу и надоела всем страшно.

Второй вопрос — о школе. Макарка первый раз самостоятельно говорил на собрании, сбивался, махал досадливо при каждой ошибке руками и краснел. Валька дал еще двоим высказаться и взял слово себе. Он ругал коллегую, что долго молчали о Чижове, о его диктаторстве, и что он теперь пресечет эту штуку в корне, а от Чижова и духу не останется. Долго говорил Валька, он всегда говорил больше всех. Сам по часу, а ребятам одному, — двум даст слово и закрывает прения.

— Довольно. Вопрос ясен. Я говорю — такой номер не пройдет.

Не любил его ребята за это. Чувствовалось, будто он один и есть на собрании: то информация, то часовая речь, а полконец на трех листах предложение. И сейчас говорить долго не дел.

— Ладно, ребята. Я беру это на себя. Согласны?

Макарка испуганно присвистнул.

— П-постой, как на себя. Я...

— Воронов, приучайся вести себя на собрании, бери слово — сердито перебил председатель.

Тупой взгляд застыл на Вальке.

— Чего слово, мне поручили, я...

— Сядь, пожалуйста, и возьми слово, настойчиво обрезал Валька.

Ребята загадели было, поддерживая Макарку, но Валька все-таки настоял на своем. Озлобленный Макарка попросил слово и заявил, что он сам будет разбирать это дело. Валька засмеялся.

— Брось бузить-то. А ты справишься? В завкоме нужно вопрос ставить и на партячейке. Ты и говорить-то не умеешь. А я со всеми связь держу, кто-ж лучше сделает?

Валька поставил на голосование. Четверо подняли за него, трое за Макарку.

ДВЕ НЕДЕЛИ спустя в школе заседание специальная комиссия по делу Чижова. Валька за председателем. Он старался казаться очень серьезным, хмурил брови и все время выжидающе стоял. Эти две недели почти не работал. Бежал из завшколы, толкавал с завкомом, раза три носился к партсекретарю, к директору и никому не давал

красный заводский, но он нам положительного не подходит. У него нет той воспитательной жилки, которая нужна современному педагогу...

Валька старался подлаживать в тон собранию, старался говорить более мягко, чтоб не ударить в грязь перед главами. Но от этого только проигрывал. Даже председатель завкома, согласный с Валькой, говорил против.

— Плохие вы комсомольцы — прямо обратился он к краснеющему Вальке — хороший педагог, а вы его не можете обработать по своему.

Злой уходил Валька с заседания. Ругал себя, что зря потерял две недели, и собственно было, что с треском провалился.

— Да еще, говорят, работай лучше, факты подбирай. Да за каким чортом я канителиться баду, время терять. У меня в райкоме поважнее этого работа есть.

А Макарка долго не мог привыкнуть. Да Чижов придираться стал жузе.

Гришку наперед выгнал и отцу его сказал. Честное слово дал Гришка, что скоро Чижова не будет. Поведелось мириться пришлось. Встретил как-то Вальку одного в классе, подошел.

— Ну, Вальк, как с Чижовым, скоро спишьшь.

Валька план какой-то писал. Читал, перечеркивал, не ладилось видно. Обернулся, вспыхнул злобой, сердито взыгнул:

— Пошел ты к чорту.

У Макарки язык онемел. Вытаращил глаза на Вальку. Безмолвко, часто заморгал и с усилием выдал:

— Ка-ак — к чорту?

— Так! Ты сам

лодырь, лентяй. Сам вольную затираешь, а не Чижов.

— Что ты, Валька, да спроси ребят.

— Да знаю я их, что ты мне говоришь.

— Ни черта ты не знаешь, ты трепал, балоблака, тебе канителиться не хочется, — вспыхливо закричал Макарка.

Тот осерчал.

— Как не хочется? Да я две недели

бегал.

— Нет, не бегал. Сволочь ты!

Макарка тяжело дышал и в упор злобно смотрел на Вальку.

— Ты почему мне не дал, а? Почему, сволочь такая? Почему-у.

Он быстро схватил растерявшегося Вальку, повалил в один прием на парту, прижал грудь и с перекосенной улыбочкой принялся бить по лицу, по скалке зубов, по выключенной голове. А сам с ужасом чувствовал, что будет говорить ребятам, Гришке, чувствовал, что дело теперь пропало, Валька испортил, и еще сильнее, еще озлобленней поддавал рукой.

(Окончание следует).

«Он быстро схватил растерявшегося Вальку, повалил в один прием на парту».

покою до создания комиссии. А нынче с утра собирался на завод представителем. Радоваться бы надо, что все вылилось, но Валька все больше и больше хмурился. Дело принимало дурной оборот. Главный инженер то и дело брал слово и веско доказывал виновность Чижова. Он говорил, что без него не обойтись школе. Чижов числится первым педагогом в Моспрофобре, имеет огромную практику инженера, наш завод изучил, как свой дом. Он сейчас положительно необходим школе, и я как представитель заводоуправления не могу лишиться фабзауч такой силы».

Валька упорно пронизывал круглыми глазками инженера, и он делался ему все ненавистней. Противным казался его чистое, выбритое лицо, опрятный костюм и его ровная, спокойная речь. Закусил до бела тонкие губы, взял слово.

— Товарищи! Товарищ Бергер входит нас в серьезную и глубокую ошибку. Мы прекрасно знаем качество т. Чижова, знаем, что он хороший педагог, пре-

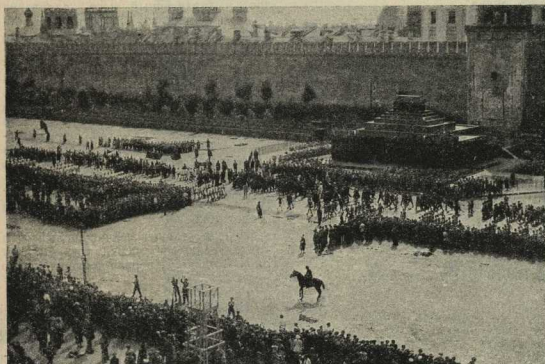
МЮД В МОСКВЕ

Демонстрация на Красной площади.

Трибуна на Красной площади.

Общий вид демонстрации на Красной площади.

Пионеры на Красной площади.

Отдельные группы демонстрации.

В нынешнем году МЮД в Москве представлял собой особенно мощное и красочное празднование. В демонстрации приняло участие несколько сот тысяч молодежи. Помимо обычных колонн демонстрантов, по Красной площади проходили десятки костюмированных групп, спортсмены, севшие на профсоюзные физкультурные составы. В торжестве открытия МЮДа принял участие находившаяся в Москве делегация австрийской рабочей молодежи. Многие группы принесли на демонстрацию лозунги, приветствующие австрийскую рабочую молодежь.

Пасмурная погода не омрачала бодрого настроения демонстрирующей молодежи: демонстрация была проведена с большим подъемом.

В это же самое время в странах капитализма МЮД проходил под знаком белого террора и страшных гонений на коммунистическую молодежь. Надо полагать, что при победе пролетариата на Западе демонстрации освободившей рабочей молодежи, которая там составляет во много раз большие массы, неминуемо у нас, превзойдут все виденное нами.

Да здравствует грядущая мощь праздника! в молодежи!

На фабрике «Трехгорная Мануфактура», тов. Е. Степанова—первая девушка-гравер за работой.

НУЖНО ДОЕХАТЬ до Красно-Пресненской заставы. Дальше зеленый широкий сквер памяти Декабрьского восстания и бесконечная путаница кривых улочек предместья, подходящих со всех сторон к скверу. И над кривизной улочек в колоссальном приугольном, глухо замкнутом стенами,—красные корпуса Краснопресненской Трехгорной Мануфактуры. Трехгорка — свой особый мир, и она может себе позволить им быть, потому что на Трехгорной работает 7800 рабочих. Это одна из крупнейших фабрик Москвы. Рабочие живут тут же при фабрике, и в 3-х домах-коммунах Трехгорной Мануфактуры в районе Пресни.

Трехгорная задала тон всей Пресне. И вот в этом-то своем Красно-Пресненском тоне растет трехгорная молодежь числом в 2000.

ДЕВЧАТА

КАК-ТО в разговоре с одной из комсомолок на Трехгорке мне пришлось услышать такую фразу: «К нам на Прохоровку со всей Пресни ходят невест выбирать». Да уж действительно выбрать есть из кого. Больше половины рабочих мануфактуры — женщины. Главным образом в ситце-набивном, но и ткачих немало. «Бабы» на Трехгорке зубатые. Палец в рот не кладя.

Особенно молодежь. Но беда в том, что бойкость эта тяжела на под'ем не меньше, чем забитость. Беда в том, что на 600 человек комсомольцев всего 120 девчат. Это мало, и потому особые формы работы среди женщин применяются комсомольской ячейкой на Трехгорной. В каждом цеху, например, имеются комсомольско-организаторы дев-

РАБОЧИЙ ГОРОДОК

Очерк К. ТРОШЕНКО, фото ЧЕБОТАЕВА.

чат, помимо женорганизаторов. И нелегкая эта работа. Малый заработок обычно мало квалифицированных девушек, работа дома по хозяйству, если живет с родными, и самообслуживание во всех немудреных [женских] делишках — шитье, стирка, починка, если живешь в одиночку — все это вяжет девушку. И привычные развлечения, и приятные заботы о мелочах несложного туалета, когда идет она в сквер «на гулянье», и многое другое, из давня вырвавшее вместе с ней, целиком заполняет ее досуг. В сквере встречи, прогулки парами, гармонь... Нужна большая работа, чтобы противопоставить «гулянье» нечто захватывающее не меньше «гулянья».

А старинка вылезает из многих щелей. В сквере летом водят хороводы, настоящие деревенские, с особыми хороводными песнями. Зачинают их старухи, — это обычно старые работницы, пришедшие из деревни, и хранящие в памяти ее обычаи. Цель таких хороводов — сосватать кого-либо из крутящейся толпы молодежи. Девчата знают это, и под конец присоединяются к хороводам.

Выходят ли из этого сватовства что-либо, или нет, это дело десятое, но факт тот, что таким желанием руководят и сватающие, и те, кого сватают.

АКТИВНОСТЬ—ДО ЗАМУЖЕСТВА

И ЕЩЕ ЕСТЬ одна ходкая фраза на Трехгорке про девченок: «Э, — говорят, — это активистка до замужества». «Работала, была активной комсомолкой, мы уже и выдвигать начали, и кружок посещала, а как вышла замуж, конечно, из 3-х собраний 2 пропущены, на грузку не выполняет, калачом не заманишь» — жаловался секретарь цех-ячейки.

Вполне резонные жалобы, конечно, и объяснение этим фактам тоже найти нетрудно. Это один из вопросов комсомольской работы на Трехгорке, но мне хочется в противовес «активисткам—до замужества» восстановить в памяти и на бумаге один эпизод, на первый взгляд, незначительный. Особенно ничего не происходило, а было всего лишь только очередное комсомольское собрание цех-ячейки 3-го ситце-набивного коллектива.

Доклад стоял о МЮД'е. Докладчик был парень местный из своего цеха, рабочий парника, впервые делающий доклад. Готовился он, видимо, добросовестно, по та-

кой серьезный доклад, как МЮД' требует особой живости слова, чтобы увлечь свежих комсомольцев и малообразованных ребят. Одним словом, парень докладывает, ячейка деликатно слушает, терпение и скука на лицах ребят — говорят сами за себя. Утомился под конец здорово, вопросов никаких не было, слова никто не просил, и казалось, что пожалуй спать ребятам как раз самое время, но вторым вопросом стоял еще отчет вожатого о работе пионеров в лагерях, и вот у стола подвижная веселая девушка — она докладчик. После первых двух-трех фраз ребята ожили. Ничего чрезвычайного в этих фразах не было, но девушка рассказывала, а не докладывала, рассказывала просто, как рассказывали, просто, своим домашним вернувшимся из лагерей пионеры. И ее веселый голос, и характерный жест — сдвигание сереневой кепочки на затылок и обратно (она даже ухитрилась причешать свои короткие волосы во время доклада), все это располагало к внимательному слушанию. Она говорила долго, и на вопросы пришлось отвечать еще дольше, но это была коллективная работа всей ячейки, и никому не было скучно. Эта девушка — тов. Беляева, вожатый отряда, это уже не активистка «до замужества». Жилка общественного работника была видна в каждом ее движении. А она — коренная «Прохоровская» из тех же девчат, что с «гуляньем» и «парочкой».

И еще и еще, сейчас целый ряд девчат всплывает перед глазами. Вот Зина Степанова, первая девушка-гравер

На фабрике «Трехгорная мануфактура». Тов. Беляева — вожатый отряда пионеров.

на Трехгорке, лучший политпроект цех'ячейки, вот комсомолка член фабкома, вот еще тройка девушек — политпросветов цех'ячеек. И когда вспомнаешь их, делается радостно, и уверенность в успехе делает работу горячее и упорнее.

КИНО «ГРАНД»

ЛЮДЯМ, которые сочиняют или собираются сочинять кино-сценарии для Совкино, нужно пойти в кино «Гранд» — на Пресню и посмотреть не только на экран, но и на «публику» и даже лучше только на публику.

Если в какую получку денег больше обычного, производится экскурсия в центр в «Арс», но это редко. Кино «Гранд» владеет безраздельно помыслами и чувствами подростка с Трехгорной. Тут ему конкуренции пока нет никакой, или, вернее, есть, да ничтожная. Нет еще в ячейке достаточно широкой и занимательной просветительной работы, которая могла бы конкурировать с «Грандом». Секция рабочего клуба работает вяло, охвата молодежи нет, и на лето, когда расплозятся кружки, ребята совсем отбиваются от рук. Ближайшая зима, впрочем, должна дать хорошие результаты в области воспитательной работы.

В ПИВНУЮ БЕЗ КИМОВСКОГО ЗНАЧКА

У ПАРНЕЙ по старше и развлечению крепче. Как раз против трамвайной остановки у заставы пивная, фабрика в нескольких минутах ходьбы, и после получки, за семь верст киселя хлебать⁴ не приходится.

Получка — пивная. Почти неотделимы друг от друга. «Выпил на свои деньги, и не имеешь ты мне права указывать!» Это — в состоянии некоторого опьянения, ну, а вот на другой день — другой разговор. Намежки, дерганье, «звон» — парень сам не рад.

Такое проявление общественного мнения своеобразно, но наиболее действительно. А общественное мнение в ячейке насчет пивной сложилось достаточно определенное. И в результате намечаю со стороны общественного мнения выработались новые приемы. Если уж комсомолец и заглянет в день полочки в пивную, то кимовский значок будет снят. Где-то в сознании отложилось уже, что пивная не совсем подходящее место для вечернего времяпрепровождения комсомольца.

С выпивкой в получку связано так называемое «сезонное хулиганство». Это выражение принадлежит одному парню-комсомольцу с Трехгорки.

Относится оно, впрочем, в незначительной степени к комсомольцам.

А значит оно то, что обычно спокойный парень без всяких признаков хулиганства после выпивки бузбит, ругается громко и пространно, задевает проходящих женщин, лезет в драку, и главное — лезет туда, где полуднее.

Но надо сказать, что с комсомольцами такие истории насчитываются, как единичные и исключительные.

ОТ ЗАСТАВЫ ДО ГРУЗИН

НУ, А ВОТ насчет «профессионального хулиганства» дело будет послоннее.

Тут так легко не обойдешься: «подскоки и вывели».

На Трехгорной ячейке есть целая группа активных ребят, прекрасных комсомольцев и толковых работников, вы-

дуальной обработке. Но обработка эта иногда стоит группе сиянок. Немало и анекдотического бывает в стычках группы с профессиональными хулиганами. — «Как где вечер или кино, приходят, зовут, идите, мол, на случай чего», — рассказывает один из главных борцов с хулиганством.

Ребята эти пользуются авторитетом, хулиганы их боятся. Но это, конечно, не те меры, которые можно считать главными в борьбе с хулиганством. Тут нужна длительная воспитательная работа, нужен крепкий охват беспартийной молодежи ячейкой.

Тем более, что, по выражению тов. Иванова, тоже деятельного участника группы — «хулиганство есть такая зараза, второй спиритный напиток, от него трудно отвыкнуть».

Пока же положение таково, что некоторые комсомольцы поддаются заразе скорее, чем некоторые хулиганы поддаются исправлению. На Трехгорной был случай, что парень - комсомолец с вихнул, был замечен в «письменном хулиганстве»¹⁾ и был исключен. Это уже влияние заразы хулиганства.

МОЛОДЯ ГВАРДИЯ

2000 МОЛОДЕЖИ.

Колоссальное поле работы для ячейки. В ячейке есть уже свой, неплохой актив из цехов, снизу, и если эта зима будет использована по-настоящему, если вся эта махина, ячейковая работа на Трехгорке будет итти со вниманием, продумано, глубоко, то можно не сомневаться в том, что молодая гвардия в полтысячи ребят переберет и переделает многих из тех, что шеголет сегодня с финкой и в клеше и кто бивает вечера по пивным или на гулянье «парочкой». Ведь есть в ячейке такие ребята, что, когда глядишь на них, слушаешь их, веришь еще крепче в мощь комсомола, в его воспитательную силу.

И сами лезут наружу слова Безименского:

«Завод отец, ячейка дом,
Семьца — книги, труд, ребята.
Мы в комсомоле живем —
Стране веселой и богатой!»

В ячейке.

ших прежде отъявленными хулиганами. Как раз теми хулиганами, которые нарождаются сейчас снова на наших окраинах и которых может насчитать порядочно и Трехгорная мануфактура среди своей молодежи. Недавно, месяца полтора тому назад происходило такое коллективное побоище между пресненскими и грузинскими, и не обошлось там, конечно, без трехгорских ребят.

Трехгорская ячейка в своей практике, столкнувшись с явлениями подлинного хулиганства, когда ни уговоры, ни беседы, ни пристыживания никакого действия не оказывали, принуждена была действовать совсем особенными способами.

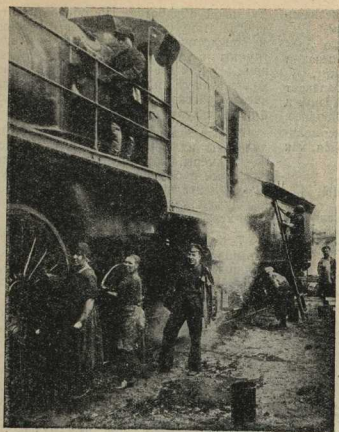
Вот эта самая группа ребят, которая пришла к комсомолу от хулиганства, взяла на себя рискованный труд бороться с ним.

«Группа по борьбе с хулиганством» ее никто нигде не фиксировал, ни в каких протоколах она не записана, это как бы добровольцы по индиви-

¹⁾ Рассылка анонимных похвальных писем, обычно лицам, которых может скомпрометировать получение такого письма.

С ВАГОНОМ ДОРБЮРО

Очерк Е. ЛАВРОВА, фотогр. Е. ЧЕБОТАЕВА.

На станции.

I

В ОДИН ИЗ жарких летних дней 19-го г. в Дорполитотделе Москов.-Киево-Ворон. жел. дороги было вынесено постановление о создании дорожного бюро по работе среди молодежи.

Курский Губкомол, главным образом, в лице Аркаши Ломакина — смотрел очень скептически на всю затеянную историю. Организаторам Дорбюро — ЦК полностью не давал. Не давал их и Губкомол. А было просто так. Договорились — и все. В Дорбюро немедленно завели: 1) делопроизводителя, 2) секретидора. Делопроизводителем с агитировали одного Кольку, который работал в этой должности в Губкомоле.

Итак, Дорбюро было создано, получило комнату, литературу и страничку в жел.-дор. журнале „Наш журнал“. Завязались связи с железнодорожными организациями комсомола (таковые были во Льгозе, Брянске и Малоярославце).

Вскоре же после создания бюро, работу его пришлось взять временно под замок, ибо Деникин любил, когда с ним разговаривали пулями.

Потом промелькнул август, и в сентябре, после неудачной попытки созвать губсезд в Курске, под носом у белых — пришлось улетучиваться во свояси, чтобы не корчить клопов в деникинской контрразведке.

После этого, как будто случайного обстоятельства — началась короткая, но славная страница в жизни Дорбюро.

II

1/5 ЧАСТЬ Дорбюро столкнулась в Брянске с поездом Дорполита Киевско-Ворон. дороги — и немедленно же олядо купе превратила в резиденцию Дорбюро.

Потом Москва. Поезд с 1/5 Дорбюро подходит к Брянскому вокзалу...

A белые подходили уже к Орлу и Брянску.

III

ЦК КОМСОМОЛА объявил „Неделю Коммунистической Молодежи“, в октябре 1919 года.

Провалившись с формированием партизанских отрядов, наше Дорбюро решило провести „Неделю“ на ять.

Началась подготовка.

После трех дней словесных битв, мы взяли приступом комиссара дороги и добились того, что Дорбюро получило в свое распоряжение отдельный вагон. Вагон был когда-то телушкой, но затем боковые двери его заделали, вход стал через площадку, внутри сделали две комнаты, прорезали окна, выкрасили, и поставили пружинные койки.

С наружной стороны мы повесили плакатов, в окошко выставили портрет Ильича и кусок красной материи — и пошли в Цекапол.

В Цекамоле долго пытались понять — о каком „Дорбюро“ идет речь?

Мы объясняли. Мы растолковывали. Для окончательного „выяснения“ нас направили к неизвестным Дугачеву и Дунаевскому.

После получасового разговора мы уже получили литературу и инструкции о проведении „Недели“.

Потом нас пропечатали. И не как нибудь, а в „Правде“, в „Страничке юного коммуниста“.

После статьи о Неделе Ком. Молодежи, узким корпусом было начатено: „Дорбюро РКСМ М.-К.-Вор. ж. д., проводит Неделю Коммунистической Молодежи. В распоряжении Дорбюро имеется свой агит-вагон, снабженный литературой, который в ближайшие дни выезжает на линию“.

Эта заметка воодушевила нас окончательно.

Несколько дней, и 15 встречается при исключительно благоприятных обстоятельствах с Гришкой, Петей и другими.

В общем, только мрачные стены полутемной комнаты во втором этаже Брянского вокзала знают, как постепенно сколотилось вновь Дорбюро.

На дверях появилась табличка: „Дорожное Бюро РКСМ М.-К.-Вор. ж. дороги“.

Мы начали работать. Мы горели огнем мести по адресу деникинских банд, за нявших нашу вотчину — Курск.

Поэтому первым нашим решением — было: создать при Дорбюро военный отдел. Начать формирование партизанских отрядов из железнодорожной молодежи. Обратиться по этому поводу с воззванием по линии всей Киево-Ворон. дороги...

Мы написали служебную записку ДС ст. Москва М.-К.В. ж. д. с требованием прицепить наш вагон к отходящему сегодня вечером поезду.

IV

ПЕРВЫМ пунктом нашего посещения был — Малоярославск.

В Малоярославце тем временем шла грандиознейшая битва. Горком союза настаивал на том, чтобы ячейка железнодорожников влилась в гор. организацию и подчинилась бы горкому.

Жел.-дор. ячейка отстаивала свои права на „самоопределение“ и тыкала в нос секретарю горкома — наши циркуляры и распоряжения.

Мы приехали в решающий момент, когда в клубе шло бурное собрание и секретарь ж. д. ячейки дрался с секретарем горкома.

Малоярославце — городишко грязный, и вечером после дождя итти по его улицам несколько затруднительно.

Поэтому несколько человек, выделенных с собрания ячейки, сейчас же после прихода поезда встречали нас с фонарями в руках.

Как полагается комсомольским активистам — мы немедленно же ориентировались в окружающей нас грязной обстановке и превратились в акробатов, прыгая с одного кирпичика на другой.

Выступил с горячей „отповедью“ зарывающемуся (мы были в этом убеждены) секретарю горкома и отстоять свое дорбюровское право распоряжаться жел.-дор. ячейками — для нас не представляло труда.

Мы заявили, что мы существуем с санкции ЦК, сузули для доказательства номер „Правды“, где писалось о нашем вагоне, напомнили о том, что при желании мы можем настать перед ЦК о снятии секретаря горкома с работы — и с довольным видом поглядывали в сторону перепуганного до смерти гиевом „приехавших из Москвы“ секретаря горкома.

Так восстановили мы поправные права железнодорожной комсомолки и начали вторую часть собрания, посвященную Неделе Коммунист. Молодежи.

V

СЛЕДУЮЩЕЙ нашей остановкой были Сухиничи, там мы оставили молчаливого Абрама сделать доклад о „Неделе“, а сами поехали дальше — в Брянск.

Первым мероприятием в Брянске — было изыскание „шамовки“, ибо наши продовольственные запасы иссякли.

Тому, кто не соприкасался в работе с железной дорогой, и не пользовался услугами ее учреждений — не понять что значит УЖПО.

УЖПО — это звучит благодатью в ушах проголодавшегося путника железной дороги.

Наш Петька по нюху знал, в каком месте станции находится УЖПО, и он постоянно направлялся безошибочно в нужную сторону.

Он брал пачку наших документов, к ним мы прикладывали еще авторитетную бумажку от имени Дорбюро, и через полчаса он возвращался, нес с собой выданные на три дня—хлеб, сахар и воблу. Так было и на этот раз.

Приложившись к хлебу—сахару Брянского желези-дорож. участкового потреб. общества (это и есть УЖПО), мы двинули по местным парт. и комс. организациям и в результате всех переговоров пришли к выводу, что раньше как через два дня устроить митинг молодежи не удастся, так как в течение этого времени партгруппы проводят собрания, посвященные „партийной неделе“.

Возвращаясь в вагон, мы узнали о том, что ст. Хугор Михайловский (за ст. Навлей, недалеко от Конотопа) отбита у белых, и что сегодня вечером туда пойдет первый состав (воинский).

После пятиминутного совещания, Дорбюро постановило:

„Включить в программу агит-поездки, кроме проведения Недели Коммуниста. Молодежи посещение прифронтовой полосы, в целях агитации и пропаганды“.

С этим постановлением Петька посетил штаб 14-ой армии (он был тогда в Брянске, в вагонах) и через полчаса пригласил оттуда два мешка литературы.

Затем мы дали отношение к дежурному по станции и вечером наш вагон уже выстукивал свои незамысловатые песенки по жел.-дор. линии Брянск—Навля—хуг. Михайловский.

VI

РАННИМ осенним утром мы услышали как отцепили наш вагон, загляли в тушик, а в окна увидели, что мы на ст. Хугор Михайловский.

Сквозь слегка морозящий полу-дождь полу-снег видны были посередине стены станционного здания, облупленные и ободранные без единого плаката, в отличие от всех остальных станций, где не побывали еще белые.

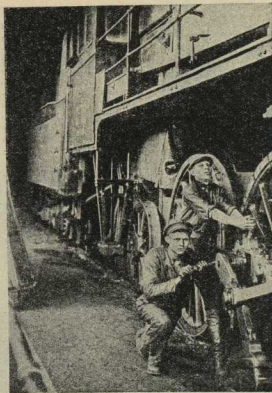
На перроне не было ни души и казалось, что в здании тоже было тускло и мертво.

Мы вышли из вагона и осмотрелись. Кроме нашего вагона перед станцией стоял только небольшая состав, в котором была наша советская охрана. С юго-западной стороны доносились рожкошучие залпы орудий. Следующая за Хугором Михайловским—станция была головной у красных частей.

Нагрузившись газетами и книжками, мы двинули в жел.-дорожное депо.

Через разбитые при взрывах снарядов стекла окон, мы занесли много снега. В депо тоже

была тишина, и только двое рабочих тихо переговаривались между собой, сидя у молчащего, занесенного снегом паровоза.

МОЛОДНЯК НА ПРОИЗВОДСТВЕ.—Обтирка паровоза.

Мы нагрузили нашей литературой этих рабочих и потолковали с ними. Выяснилось что на работу никто ни вышел, потому, что ожидали возвращения белых. От них мы узнали, что только сегодня в окрестных селах произошли выборы органов Сов. власти.

Мы расширили наши „железнодорожные“ функции и двинули после посещения депо в ближайшие деревни, захватив с собой остававшуюся литературу.

Приходим в первый поселок.

Предкомбеда принял от нас литературу. На слова скупился, поглядывая все время в сторону выстрелов. Был (видимо) очень доволен, когда мы ушли. В этом поселке—органом власти был ревком. Литературу от нас взяли с большой олаской и тревогой. Немедленно же спрятали ее в амбаре.

VII

ПОСЛЕ СКИТАНИЙ вокруг Хугора Михайловского, на следующий день решено было ехать в Брянск.

В Брянске было голодно. Наш Гришка от голода стал сам не свой. В ожидании, пока Петька раздобудет продуктов в УЖПО—Гришка просил о олоого парня, жевавшего овсянку:

— Дайте кусочек хлеба.

— Что?—грозно переспросил тот.

И Гришка унавшим голосом повторил, боязливо сматывая сквозь стелышки пенсы.

— Хлеба, кусочек, в долг.

Парень смерил его злым взглядом и сказал:

— Катись колбасой.

...Мы пробывали в Брянске один день, провели митинг молодежи, давший несколько человек новых членов жел.-дор. ячейки комсомола, приняли участие в проходе на фронт комсомольского отряда.

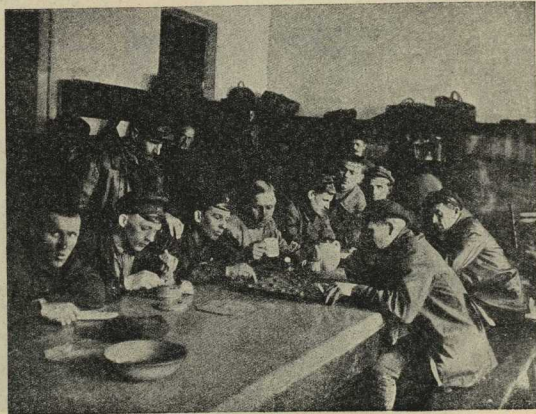
Когда мы поехали в Москву—осень кончилась и первый свежий снег деловито прикрыл все дорожки, ямки и кочки.

Через неделю после возвращения в Москву, в один из вечеров, когда мы успешно бежали на собрание существовавшего тогда железнодорожного района РКП,—вечерняя газета сообщила о взятии красными частями нашего Курска и тов. Бухарин во время своего доклада на Совбюро подтвердил это.

Наше Дорбюро после этого стало тянуть, ЦКмол выдал на руки путевки и еще через неделю, поезд медленным, но верным шагом катил нас к Курску, в котором не осталось ни следа от существовавшей там до Деникина организации.

Не успели мы с Гришкой докончить наш „исторический“ труд „Положение о работе союза на транспорте“, согласно которому, на всех дорогах создавались Дорбюро РКСМ, а при Главпутьти и ЦК—Главбюро РКСМ ж. дороги.

Я после того вскоре остался к железной дороге и начал работать в другой области. На Гришку же пребывание в Дорбюро действовало более благоприятно, ибо в настоящее время он готовит из себя инженера путей сообщения в Ленинградском институте.

В БРИГАДНОЙ.—В ожидании наряда.

Фасад Императорской Библиотеки и Кунсткамеры в 1737 г.

В КОНЦЕ 17-го столетия особенно ярко сказались потребности заявленных ученых иметь живое общение между собой и вообще создать людям науки благоприятные условия для научных работ.

Одно за другим стали учреждаться так называемые высшие научные общества, которые впоследствии были официально признаны под именами академий.

Во время особенно выдавались по значению своих достижений Академия Наук в Париже, Королевское Общество в Лондоне, Берлинская и Петербургская Академии Наук.

Петербургская Академия Наук была основана по мысли Петра I. Петр видел, что его реформы до тех пор не будут осуществлены полностью, пока не будет создано и суверенное царств в России.

Задумать Академию было легко, но не так-то быстро удалось выполнить задуманное. Главным препятствием к созданию Академии было отсутствие русских ученых. Пришлось обращаться за помощью к соседям немцам.

Знаменитому ученому Лейбницу одно за другим летая приглашения приехать в Россию и взять на себя организацию Академии Наук. Но просвещенный европеец был далек от желания ехать в варварскую «Московию», и в течение ряда лет петровский проект Академии оставался только проектом.

В 1717 году на одном из докладов Петру об Академии встречается характерная резолюция: «Академию сделать, а академиком приказать из русских, кто учил и к тому склонности имеет».

Но ожить-таки среди русских не нашлось «имеющих склонность» к науке. Поэтому в 1719 г. за границу отправляется специальный посол для переговоров с германским ученым Христианом Вольфом, и в подмогу первому идет второй с полномочиями подкачать в Париже, Лондоне, Берлине ученых, согласившихся приехать в Россию.

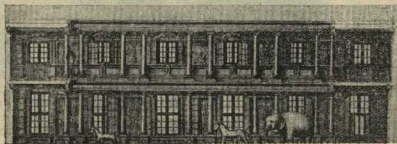
К 1724 г. переговоры с учеными были закончены, и Петр издает окончательный приказ о ее и эту учреждение «Академию, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатым художествам и переводили книги».

Но в тот же год Петр умер, и Академия была торжественно открыта в Екатерининской I 17-го декабря 1725 г.

По условиям тогдашнего времени Академия не была чисто научным учреждением. В ее

Все же Академия разделилась на три разряда: математический, физический и гуманитарных наук: истории и права. В составе ее было 16 академиком — сплошь иностранцы, но с очень громкими научными именами.

Смерть Екатерины очень отразилась на Академии, так как молодой Петр II переехал в Москву, и вместе с придворными пришлось переехать многим видным академиком. Об Акаде-

Вид Кунсткамеры Академии Наук при ее постройке.

ми забыли, средства отпущались неаккуратно, правили же люди совершенно не имевшие никакого отношения к науке. В итоге, дела Академии пришли в полный упадок, научная работа прекратилась, а иностранные ученые начали «разезжаться по домам» т. е. жалованье им не выплачивалось месяцами.

Так продолжалось до 1734 г., когда командиром Академии был назначен И. А. Корф. Он привел дела Академии в порядок и сильно поднял научную работу. Как умный и провидящий человек, он оценил важность установления тесной

1725-1925

ВЛ. ЯКУБОВИЧ

связи между Россией и народами Востока и на пути на создания кафедры, специально посвященной Востоку.

Он же послал за границу для научного совершенствования — архангельского крестьянина М. В. Ломоносова — этот факт особенно подчеркивает ум и высокообразованность Корфа, выдающегося «простого мужика».

В течение шести лет Корф более или менее поднял работу Академии, но сменившие его «президенты», один за другим мываживали в течение целого ряда лет, только и заботились, чтобы Академия была «дойной коровой», которую можно сосать, пока хватит сил. Положение академиком было очень неприятным. С ними совершенно не считались управители Академии. Жалованье им выплачивалось не всем одинаково, а по личному соглашению с президентом Академии. Это давало повод к всечасным злоупотреблениям с ассигнованными Академии суммами.

Несмотря на такое положение дел, научная мысль не только не заглохла, а наоборот, один за другим выдвигались русские ученые. Кроме Ломоносова, в числе академиком были астроном Попов и Гринев, математик Котельников и многие другие.

С 1763 г. снова начала упорядочиваться работа. Возобновились командировки молодых ученых за границу, организовывались экспедиции по России, была создана астрономическая обсерватория. Но в это время умер М. В. Ломоносов, и его смерть тяжело отразилась на работе Академии.

Затем снова начинается чехарда президентов, и Академия как бы выцветает по волеизъявлению, поднимая свою научную работу при даровитых президентах, вроде Лашковой, но чуть не прекращая ее совсем при таких бездарностях, как П. П. Бакуини.

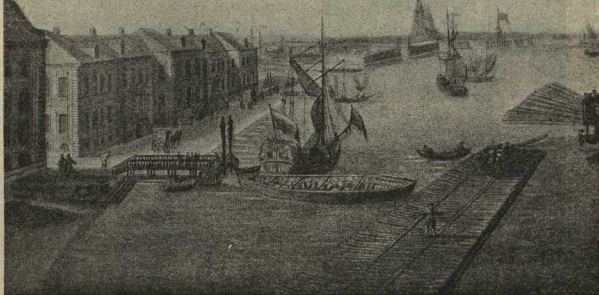
Только в 1803 году Академия перешла в ведение министерства народного просвещения и получает полный устав. Этот устав определяет состав научных работников Академии в 18 академиком и 20 адъюнктов и предусматривает тринадцать научных отделов — кафедр. Кроме того, определяется точное бюджет Академии в 98 тысяч рублей и отменяется название академиком, а вводится из избранное.

Последнее прекращает разлазу знаний «академия» по личному усмотрению королевских «ревнителей просвещения».

В 1890 году при 2-ом отделении учреждается разряд изысканий словесности, в который включено числом 2-го отделения должным были входить выдающиеся представители русского художественного слова.

Работа по изучению и исследованию страны расширяется, и экспедиции во все уголки России дают богатейший научный материал.

Война 1914 г. и гражданская — лишили надежду Академию общения с научными центрами мира, но множество гениальнейших работ было создано в тяжелые годы всеобщей разлуки, и только теперь начинают опубликовываться. Интерес западных ученых к работам Академии — лишний раз доказывает какими хранилищем научной мысли являлась Академия.

Вид Академии Наук и Петропавловской крепости в XVIII веке. С картины М. И. Мухоморова.

СОСТАВ ВСЕЛЕННОЙ

Очерк НОВОСИЛЦЕВОЙ

ВСЕЛЕННАЯ составляет, вероятно, одно целое, границы которого от нас ускользают; если она и управляется законами, то эти законы нам неизвестны, и нет никакой надежды, что человеческий разум когда-либо до них поднимется.

Так в 1881 году Говард в своем предисловии к курсу астрономии знаменитый ученый Ф. Я. Ноуна развивает в настоящее время с такой быстротой, что то, что казалось невозможным вчера, разясняется и с точностью определяется сегодня. Средства исследования становятся все более и более могущественными и все более и более совершенными.

Теперь оказывается возможным обрисовать не только то, что такое звезда, но и то, какими ли физическими свойствами, их температура, их масса, их плотность, каковы составы?», составляющие их, как может быть их возраст и каким законам развития они подчиняются.

На эти вопросы, которые считаются несуществующими для человеческого разума, получено уже много ответов. Некоторые из них еще не точны, но они указывают путь, по которому будет найдено необходимое решение, когда будут собраны более многочисленные и более точные наблюдения.

В общем, мы можем рассмотреть теперь 3 мира: тот, который мы называем явным и непосредственным миром; это солнечная система. Солнце и его спутники; затем мир расщепленных, т. е. то собрание звезд и небесных тел, часть которого составляет наше Солнце и который называем "Млечный путь"; наконец, то, что можно назвать в целом и в обобщенном, т. е. соединившем весь "Млечный путь", из которых каждый есть мир, подобный нашему, расширенному миру.

I. НАША СОБСТВЕННАЯ "МАЛЕНЬКАЯ" ВСЕЛЕННАЯ

ПРИПОМИНИ, прежде чем познать "осязаемые" наши предельные познаниями о Млечном пути и о вселивой вообще, что такое наша маленькая вселенная, наша солнечная система? Солнце есть не что иное, как звезда, подобная другим; оно не принадлежит даже к числу наиболее замечательных звезд. Оно уступает с собой несчетный ряд мажорных темных тел, каковы и наша земля, которые были образованы из его материи и живут светом и теплом, исходящим из него. Планеты ничто в сравнении с Солнцем. Если мы уменьшим его шару в 1 метр диаметром, то Меркурий будет представлен в виде горошины, Венера, Земля и Марс в виде пули, Юпитер — крупного яблока, а Уран, Сатурн и Нептун — яблока среднего размера. Земля по этому масштабу окажется в 130 метрах от Солнца, а самая удаленная планета — Нептун — в 30 раз дальше, т. е. на расстоянии 4 х километров. Свет, который не распространяется мгновенно, но приходит к нам со скоростью в 300.000 километров в секунду, достигает до нас от Солнца в течение 8 минут; ему нужно 4 часа, чтобы дойти до Нептуна. Звезда, наиболее близкая к нам, находится на расстоянии 4х лет пути света. т. е. в то время, когда мы на нее смотрим, прошло уже 4 года, как световой луч, который мы видим нашим глазом, покинул звезду.

Приступим к вселивой уже более пространной, т. е. к "Млечному пути". Само Солнце составляет часть одного целого,

одной вселивой, к которой принадлежит миллионы звезд, какущихся нам приращенными к небесному своду недалеко друг от друга, тогда как на самом деле они находятся на огромных расстояниях между собою. В этом собрании звезд и других небесных тел (скопление звезд, туманностей) все они распределены не случайно. Это одно целое; и, за исключением только туманностей, оно составляет бесконечное скопление чечевичеобраз-

Млечный путь.

ной формы с Солнцем, расположенным около центра чечевички; часть этого скопления, на которой расположено наибольшее количество звезд и небесных тел, образует в небе то, что называют "Млечный путь".

С. ПЯТЬ ГЛАВНЫХ КЛАССОВ ЗВЕЗД

СРЕДИ сотен миллионов звезд, наблюдаемых нами, находится тысячи разных типов, но только всего пять больших классов:

Спиральная туманность.

1) Звезды — самый многочисленный класс; они нам представляются простыми светящимися точками, исключая одной из них — Солнца, которое вследствие близости к нам кажется небольшим кругом. Более ста миллионов звезд доступны наблюдению при помощи наших инструментов. Все они входят в "Млечный путь".

2) Планетные туманности, похожие на маленькие, точечковатые облака, круглые или овальные, со светлым ядром внутри.

3) Шаровидные звездные скопления, соединение от 10 тысяч до 100 тысяч звезд, скупленных так, что поверхность скопления является в 2-3 раза больше в диаметре поверхности Солнца. Их известна одна сотня.

4) Рассеянные туманности — громадные, похожие на светлое облако массы, прозрачные и рыхлые; их количество много. Эти три категории звезд составляют, как и звезды, часть "Млечного пути".

5) Спиральные туманности: они состоят вместе со звездами, класс наиболее многочисленный; большие инструменты наблюдателей могут обнаружить их до миллиона. Они являются скоплением туманного вещества и звезд, расположенных по ветвям их спиралей. Их видимые размеры очень разнообразны. Видимые диаметры их колеблются от 1/2 диаметра Солнца; самые слабые, с едва видимым диаметром, не более диаметра Марса или Венеры.

III. КАК ИЗУЧАЮТ СОСТАВ ВСЕЛЕННОЙ

Почти все сведения о вселивой, которые мы приобрели за эти последние годы, основаны на применении в астрономии спектроскопия, фотометрии и фотографии.

Как известно, спектроскопия основана на свойстве стеклянной призмы ¹⁾ разделять пучок белого света и отделять друг от друга различные простые лучи, которые его составляют. Если бросить на одну из сторон призмы тонкий пучок солнечного света, этот пучок разделяется при выходе из призмы, в виде раскрасившей ленты самых ярких оттенков. Это та лента, которую носят название солнечного спектра. Подобное же явление производит всякий пучок сложного светового луча (т. е. неоднородного).

IV. СОЛНЕЧНЫЙ СПЕКТР

Все знают, что солнечный спектр состоит из семи цветов: красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего, фиолетового. Этот "видимый спектр" продолжается за свои оба конца спектром и в инфракрасном, лучепослушания которого (невидимые глазу) особенно теплопроводны — инфракрасный, и в ультрафиолетовом (также невидимым), лучепослушания которого, главным образом, химические.

Изучение полос солнечного спектра показало, что они соответствуют лучам различного водорода, гелия, железа, цинка, ванадия, натрия и т. д. одним словом, тех веществ, которые мы знаем и на земле.

Химический состав солнца, значит, такой же, как и земли. Изучение спектров планет приводит к тем же заключениям, и это значит, что материя в земле и планет происходит от материи солнца.

*) Простые вещества.

*) Трехгранной стеклянной призмкой.

ВОЕННЫЕ ХИТРОСТИ ПРИРОДЫ

Статья Вяч. МУРАЛЕВИЧА

ЗАЩИТНАЯ окраска, дымные завесы, подготовка к атаке или отход с позиции в полной тишине—все это военные хитрости, до которых, кажется, мог додуматься только человек с его умом.

Но это только кажется. В живой природе, среди растений и животных, с незапамятных времен развит отбор в борьбе за существование самые разнообразные приспособления, необходимые в защите и в нападении. Вся природа полна ими, и некоторые из них летом и осенью мы легко можем подсмотреть.

1. ПОЧЕМУ СРЕДИ ЛЕТА ПТИЧЬЯ ПЕСНЯ ЗАТИХАЕТ?

СПОЛОВИНЫ лета птичьих песен становится не слышно. Поля и леса словно замолкают, и 29 июня—в день «святого Тихона»—русская деревня замечает: «на Тихона и птицы затихают». Вот де, мол, какой строгий: птаха и та голосу не полагает.

Есть ли тут в чем-нибудь какая-нибудь правда? Затихают ли птицы 29-го июня, или нет? Тихон ли этому причина, или что-нибудь другое.

Начнем с последнего. Конечно, никакой Тихон—ни святой, ни грешный—никакой птице никакого приказа дать не может и об этом распространяться нечего. Но и само имя Тихон ничего с тишиной не имеет общего, и только для русского уха в словах «Тихон» и «затихать» есть что-то близкое и даже одинаковое.

Имя Тихон—греческое, от слова «тихэ»—счастье. Тихон и тишина поэтому—совсем несовместимые вещи; просто пустяки.

Но за всем тем есть и правда в том, что на Тихона птицы затихают. Это верно, хоть и не совсем.

Дело в том, что к этому дню устанавливается астрономическое и биологическое лето, или период развития потомства у животных и

Вертишейка у гнезда

созревания плодов у растений. В это время у большинства птиц вылупляются и растут птенцы; у некоторых птиц (черного дрозда, зеленушки, лесного жаворонка, москочки, чижка)—вторая кладка яиц.

Мыслимо ли при таких обстоятельствах пение и шум, которые могут привлечь врага к матери, высиживающей яйца, и ухаживающей за своим выводком. Всякая песня в это время причинила бы только вред и погубила бы и мать, и потомство. И та птица, которая в это время запела бы, выдала бы себя с головой, была бы уничтожена; а за ней погиб бы и выводок, со всей полученной от мамы склонностью петь, сидя на яйцах и ухаживая за детьми. Улетают только те птицы, которые умеют молчать в это время; и разведется только то потомство, которое унаследует эту способность молчать в период высиживания, а не шуметь.

Поэтому отбором и создано это «молчание на Тихона», как биологически полезный признак; создано так же, как и все остальные признаки животных—отбором в борьбе за существование, а не святыми приказами и молитвами.

Но разве враги не услышат песни весной, когда птица поет, что есть силы? Разве тогда, весной, песня птице не вредит.

Нет; хотя враг весною и слышит песню, но вред от этого для птицы меньше, чем летом и даже покрывается особой выгодой.

Поет птица весною по двум причинам: первая—это весеннее возбуждение, которое заставляет петь, кричать, шуметь и не одну птицу. Весеннее тепло и свет, чистый, еще не пропыленный, воздух бодрят и пьянят не только двуногое в перьях, но и «двуногобеспере»—человека, в особенности молодежь. Не даром весною по селам и деревням раздаются «заклики»: девчата в одном конце запевают, ребята в другом конце отвечают (и наоборот). Но есть и еще одна причина, по которой поется весенняя песня: это необходимость подать знак паре—самцу или самке. Без этого они не могли бы разыскать друг друга, не было бы спаривания, не могло бы и быть размножения. Это вторая причина весенней песни. Опасность быть услышанным врагом покрывается выгодой обеспечить размножение. А кроме того, пока птица одинока и ее не держат на месте яйца или дети, она и улетит от врага может без вреда для потомства, потому что в это время и самого потомства нет.

Поэтому весенняя песня не вредна и летнее молчание—все это лишь военные хитрости в великой войне за жизнь—борьбе за существование.

Таким образом, весенняя песня и летнее молчание—все это лишь военные хитрости в великой войне за жизнь—борьбе за существование.

Малый пятнистый олень—детеныш в поле с высокой травой

Такие же хитрости, как защитная или привлекающая окраска, хитрости, имя которым приспособление и которые создаются не святыми и чудотворцами, но в силу простых, но неизменных законов природы.

II. ПОЧЕМУ СПЕЛАЯ ЯГОДА НЕ ЗЕЛЕНАЯ?

ЯГОДЫ на рынке появились — значит время в лес, по землянику! — так рассуждает горожанин, который может быть в лесу только в праздничные дни в поездках за город, на дачу.

Ну, много ли он наберет земляники — это дело особое. Но что землянику в лесу он увидит — так это верно: ярко красные самые головки ее бросаются в глаза и самому неопытному собирателю.

Можно, однако, побиться об заклад: не спелой ягоды ему не найти, если бы он даже и хотел этого: она также зелена, как и тот лист, который ягоду прикрывает и незаметна не только подслеповатому горожанину но и существам с более острым взглядом, чем он.

Имеет ли это для земляники какое-нибудь значение?

Почему, пока ее ягода зелена, ее никто не видит, а как только ягода поспела — она сама бросается в глаза?

Позвольте на этот вопрос задать другой вопрос, который горожанину более понятен: имеет ли для солдат какое-нибудь значение то, что он одет в куртку и брюки защитного цвета, или нет?

За время войны и революции чуть ли не все мужское население с 14 — 15 лет перебывало на всех фронтах и прекрасно сумеет ответить на этот вопрос: в одежде защитного цвета солдат почти незаметен для противника. Будь он одет в одежду другого цвета — хоть землянично-красного — его подстрелили бы в первой перестрелке.

Точно такое же значение имеет для земляники зеленый цвет, пока ее ягоды не спелы: не спелую ягоду не заметит ни один враг земляники — и ягода уцелет.

Своей зеленой окраской она спасается от врагов; это ее защитное приспособление.

Но если ягода красная, когда она поспевает, то ведь ее тогда любой охотник до ягод заметит и затем уничтожит. Как же это спелая, «взрослая» земляника сама себя губит, в то время как молодую, зеленую она «умеет» себя оберегать?

Ответ на этот вопрос так же прост, как и первый. Земляника именно тогда себя и не погубит, когда ее кто-нибудь съест. Если же ее никто не съест, ее ждут великие опасности, а может быть даже и смерть.

Каким же это образом?

Дело в том, что ягода земляники — это та часть ее тела, в которой развивается семя. Поглядите на ягоду земляники: она вся покрыта мелкими, твердыми зернышками, как будто наклеенными на сладкую мякоть.

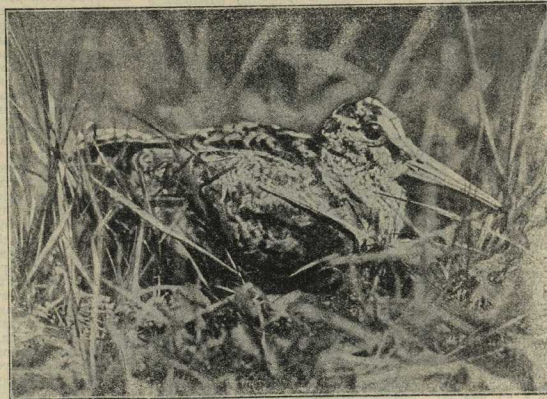
Земляника, как и всякое растение, не может размножиться на свете, если не будут рассеяны по земле ее семена. Этот посев и делают для дикой земляники те птицы, звери и человек, которые поедают ее ягоды. Сладкая мякоть ягоды переварится у них в желудке и в кишке, а семена останутся неповре-

дения зеленых ягод землянике нет никакой пользы; есть один вред. Поэтому зеленые ягоды и скрываются в зеленой листве до тех пор, пока не поспеют в ягодах семена. А тогда — пожалуйста есть, кто хочет — и чем больше, тем лучше.

По той же причине и у спелого яблока зарумяненный бок, и спелая слива чернеет, и смородина краснеет или чернеет. И все потому, что иначе их никто не увидит, никто не съест, никто не поможет их размножению в природе.

Только домашние растения: виноград, крыжовник, некоторые сливы и груши — сохраняют зеленый цвет спелых плодов. Но об их размножении заботится человек и никаким приспособлений для того, чтобы попасть на глаза кому-нибудь им вовсе не нужно: и без этого будут размножены трудами человека.

Как защитная окраска, так и отличительная (бросающаяся в глаза) широко развита в природе и у растений, и у животных. Чаще всего защитная окраска встречается у молодых животных, которые бывают окрашены так, что их и не заметить в гнезде или на земле; у взрослых она меняется и делается иногда даже очень заметной. Так это происходит, например, у чаек: птенцы рябые, как та галья, у которой лежит гнездо чайки и среди которой птенцы бродят, пока малы. Взрослые чайки — серые сверху и белые снизу; они заметны издали.

Валдичин.

жденными и будут выброшены с помехом в разных местах, где живут животные. Семена и вырастут там, где они будут выброшены с помехом. А таким образом земляника и заведется в новых разных местах земли и не погибнет на свете. Но ее заметят и съедят только тогда, когда спелая ягода с готовыми к прорастанию семенами будет не зеленой, как ее листва, а другого яркого цвета. Иначе ее не увидят, и она засохнет на кусте. Красный цвет земляничной ягоды — это и есть ее приманка для помощников в деле размножения, выработанная в борьбе за существование. Те земляники, которые не выработали этой приманки, и в спелом виде оставались зелеными — просто погибли без поколения; остались только краснеющие в спелости — вот и все.

Но почему неспелая ягода зеленого цвета?

А потому, что в это время семен еще не готовы. Если земляничную ягоду съели бы еще зеленою, то семена ее также растворятся в кишках и желудке животных, как мякоть. И от по-

Не вредит ли это чайкам? — Нисколько. В случае опасности, чайки действуют скопом: если хищник бросится на чайку, то на ее крик мигом слетятся другие и прогонят врага.

Но почему же курапатка, перепел соловей, воробей — серые, как земля? Все потому же. Это беззащитные птицы и плохие летуны; их спасает только умение спрятаться на земле и в кустах. И оттого они и окрашены в цвет земли и сучьев, похожий на защитный цвет красноармейской рубашки.

Есть животные, которые укрываются от вражеских глаз тем, что они не только окрашены в цвет окружающих предметов, но имеют и их форму; есть бабочки, похожие на сухой лист, есть гусеницы, похожие на сучок или ветку и даже на птичий помет. В природе покровительственная, защитная окраска развита очень широко, и всякая маскировка, которая теперь занимает работой целые учреждения — все это взято из природы. Это — усвоение уроков, и в военном деле человеку у природы придется многому поучиться.

ГОЛУБИНЫЙ СПОРТ

Статья Н. К.; фотографии ЧЕБОТАЕВА

Подвезка почты к ногам голубя (тов. Тимашев).

домой. Голуби с полетами справлялись успешно.

Большое развитие в давнее время (1146—1147) голубиная почта получила в Египте: голуби там были очень дороги. В 1870—71 г. при осаде Парижа 73-мя голубями из 363 было передано 150 тысяч официальных денег и до 1-го миллиона частных.

Один из голубей Дюра (Баварский военный деятель 1794—1812 г.) шесть раз перелетал из далекой провинции в Париж.

Голуби нередко совершали перелеты: Рим — Брюссель с расстоянием около 1000 верст.

У нас в России первое частное почтово-голубиное общество возникло в г. Киеве в 1890 г.; в Европе же такие общества имелись уже в первой половине прошлого столетия.

Развитие техники и авиации заглушило развитие почтово-голубинового спорта, несмотря на то что он может сослужить большую службу авиации, в особенности в моменты военных действий.

или брюссельский, антверпенский и люгтиский.

Работа с голубями говорит об их способностях, скорости полета, выносливости и хорошей памяти. Голубь легко находит свой дом, несмотря на увоз от него в закрытой корзине и на плохую погоду. Для дрессировки голубя важна ясная погода; привыкшему же к полетам голубю погода безразлична.

Скорость полета голубя 40—50 верст в час. Большая скорость полета обществами приручается. В одном из издаваемых Авиахимом журналов сказано, что голубя еще можно с успехом использовать, как аэрофотографа. Недавно доктором Нейбронером (в Германии) сконструирован специальный, весом на 50 грамм, фото-аппарат, который прикрепляется на грудь голубя. Работа аппарата автоматична. Регулируется она часовым механизмом, благодаря которому аппарат в состоянии сделать 12 снимков. Правда они миниатюрны, но всегда с успехом могут быть сильно увеличены.

„ГОНЯТЬ ГОЛУБЕЙ“ это любимое занятие молодежи на окраинах. „Голубиное увлечение“, переходящее в страсть к голубям, можно нередко встретить и среди взрослых.

„Серьезные“ люди голубятников считали ребятами „оторви голова“ и вообще отгосились к ним пренебрежительно. Взрослых, занимавшихся голубями, считали чужаками и над ними посмеивались.

В чем же заключается это гонимое голубей и какой от него толк?

Обыкновенно голубями занимаются ребята, организованные в компании.

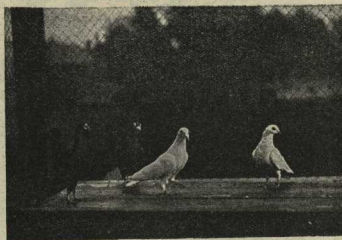
В известные дни (хорошая погода, наличие времени и т. д.) они „турят“ голубей, их „турманы“ (красивая порода) завлекают в голубятни с собой чужих голубей („берут в плен“). Голубятники берут за „пленника“ выкуп, идущий на улучшение голубятни, покупку новых голубей и др. нужды. Такое голубиное занятие бесполезно.

Но все дело в том, что его можно сделать полезным, и об этом будет идти речь.

Разработкой „голубинового вопроса“ сейчас занялся Авиахим СССР. При спортивной его секции создана специальная подсекция почтово-голубинового спорта. Эта секция начала работать регулярно; к работе привлечены любители голубоводы, специалисты птицеводы. Особенно большое внимание этому делу уделяют работники—слушатели Воздушной Академии.

Задача секции: возбудить широкий общественный интерес к этому делу. Направить в сторону общепольности частное голубоводство.

Применение голубей, как почталионов, с целями коммерческими и военными имело место очень давно. Любители голубоводы, уезжая куда-либо пароходом, брали с собой почтовых голубей, с письмами — „голубеграммами“ посылали их

Лучшие породы почтовых голубей: белые—английские, темносера—бельгийские.

(амолет, имеющий с собой пару почтовых голубей, потерпевший далеко от жилой местности аварию, сообщает в штаб о случившемся, он же, проникнув в район противника, сбрасывает находящемуся там своему разведчику пару голубей, которых последний направляет в штаб с донесением. Отрезанные противником части могутноситься со своим штабом опять-таки через почтовых голубей.

Кроме использования голубей в военном деле, их можно также использовать в мирной обстановке для связи между деревнями, волостью и т. д.

Конечно, для того, чтобы использовать в этом направлении голубей, необходима работа над их дрессировкой. Дрессируются они путем постепенного отвоза от голубятни, и пуска (для возвращения обратно). В первый год работы, голубя рекомендуется посылать на расстояние не более 300 верст. Полеты для голубя (в целях избежания лени, ожирения) необходимы ежемесячно.

Дрессировкой голубей у нас сейчас занимаются военно-голубиные станции. Типичными почтовыми голубями считаются: английский карьер, французский

Торговцы „мурчумами“.

О САПОГАХ

Очерк А. ЛЕВОГО

СНОСИЛИСЬ мои сапоги...

Было это месяца 9 тому назад. Была зима, и вентиляция между носком и подошвой ботинка была несвоевременна... Но я терпел...

Когда же морозы стали крепче и бедные мои пальцы, после получасовой ходьбы по улицам начинала превращаться в оледеневшие култыки, я потерял терпение, раздобыл 15 рублей и двинул в магазин. Там мне показали груды ботинок, русских сапог и сапандалей... Я выбрал шершавые шпильки на ранту. Заплата 11 р. 90 копеек. Одея новые ботинки я вынес на улицу, чувствуя, как сладкая истома разливается по моим ногам, как с благодарностью оттягивают мои пальцы... Я пошел по улице, — хожу уже 9 месяцев.

Когда человеку делают добро, он об этом моментально забывает, когда же ему подкладывают свинью, он долго помнит, думает об этом, старается пережить свинью обратно...

Так и я... Когда мои старые ботинки подстраивали мне подошвы, я думал о них, следил за ходом событий, т.е. за постепенным разрушением подошвы; о новых же я и не вспоминал.

9 месяцев я не обращал на них внимания. Но однажды, разуваясь, я случайно обратил на них свой взгляд... Взяв в руки, посмотрел и искренне изумился...

— Хотя бы что!

Подошва целая, верха немного потемнели, но тоже целые и крепкие, как кожа буйвола. Только левый каблук немного стоптался, но в этом виновата моя левая нога — любит ходить с загугуликами.

А общий вид ботинок таков, что до будущей весны о новых или даже о починке и думать нечего. Ну, думаю, и сапоги. И где только такие сапоги мастерят? А тут взгляд мой упал на подошву. А там выветывались букочками:

«Скорход»

Эге, думаю — вот он, мой благодетель.

И решил: — Непременно схожу в «Скорход» этот, посмотрю, каким образом такие несносные ботинки делают.

И на другой день поехал.

ЛЕНИНГРАД велик. И найти речку Лиговку, потом Заставскую улицу, потом фабрику «Скорход» им. Я. Кавелина нелегко.

Но я все это нашел, пользуясь путеводителем «Знак» до Князьих довел. За Московской заставой было тихо, чиркалы воробьи, каргалы воробы, и вообще — торжественная природа.

Мне казалось, что навстречу мне нависает легкий ассимиляционный обвал.

Вскоре это объяснилось вполне благополучно. Я вспоминаю, что моченая кожа издает неприятный запах, и поняв, что приближаюсь к цели моих поисков.

Выйдя на залованную, мутную речушку Лиговку, я урел перед собой мощные корпуса гигантского здания, с трубами, упирающимися в небо. Это и был «Скорход» — фабрика им. Кавелина.

Отлучившись в заводском дворе перед множеством входов, и выходя я обратил внимание на вывеску:

«Школа фабзавуча фабрики «Скорход» имени Якова Кавелина».

— Зайду, думаю, тем более, что это интересно... так сказать, развятие сапога с самого измалательства.

В большой комнате за партами сидят ребята — фабзавучи им. Я. Кавелина. Инструктор в потертом пиджаке читает лекцию об обработке бараньей кожи.

Я прослушал лекцию до перемены, когда фабзавучи соскочили со своих мест, а инструктор одернула потертый пиджак и вышел.

Ребята охотно сообщили мне все, чем я интересовался...

Во-первых, у них самоуправление — Шустковский ученический совет.

Этот Шус проводит работу по проф- и культурной и, кроме того, управляет школой в контакте с администрацией. Рассказали мне ребята и про комсомол. Оказывается, почти все фабзавучи — комсомольцы, работают в цех «вечных» в коллективе. Но я не удовлетворился рассказами и попер в коллектив.

Упаковка.

ВЫШЕЛ во двор. Внизу стоит здание, шикарное и не заводское какое то.

У подъезда дощечка: — «Контора». А во втором этаже другая дощечка — Коллектив Р. Л. К. С. М.

Зашел. Ребит немного, все фабзавучи, в перерыв забавлялись что за книжкой в Ленинский уголоч, кто — просто соскучившись по уютному помещению коллектива.

Затяжка сапандали.

Из коллектива, по совету ребят, двинул в «Фабрику фабзавуча», т.е. в мастерские фабзавуча.

Первое отделение — «мастерские ремонта».

Пригласили.

Молодой парнишка, лет 15-ти, пригласил меня сесть на низкую тумбочку, именную «ляпкой», показал мне, как просто самому поднять подошву или поставить латку на ботинок. Я с гордостью ответил, что мои ботинки не нуждаются в ремонте.

И парнишка довольно ушинул за задний мой ботинок и в свою очередь сказал:

— Потому, что сапоги скорходовские.

Желаю подняться с «ляпки», я вполне убедился, что «ляпкой» ее можно назвать, — с большим трудом и кофуром я оторвал себя от нее. Оказывается, уславившись, я промаз алей.

Закройное отделение. На перестях разложены куски кожи, на которых прихотливо нарисованы различные части сапога, — бортики, клашны, задники. Девушки и парни выкраивают их и передают в швейно-заготовочное. Там работают одни девушки. Быстро, без шума и гамы, сшивают они из клашней и бортиков заготовки.

Из швейного заготовочного переходят на затяжку.

Там ее натачивают на козодку, вставляют задники, носки и превращают в почти готовый вид ботинок.

В этом же отделении накладываются подошвы. Большая трахачная машина принимает медными шпильками подошву к ботинку.

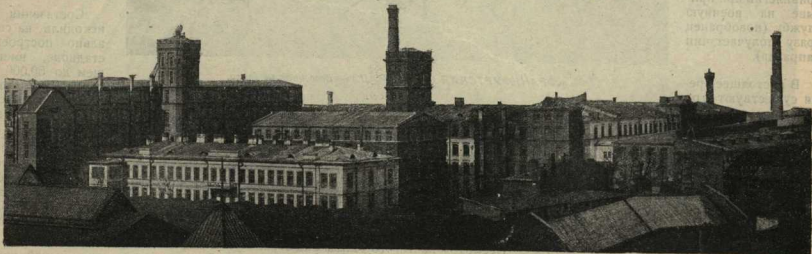
Ну, думаю, ботинок готов.

Ан нет — опер аледяне.

Связи ботинок с колоды, давая его начинать выводить блеск.

Вышел я из фабзавуча, думаю, надо весь завод осмотреть, — как и что.

А потом вспомнил, что в фабзавуче видел все производство с самого измалательства до зрелости и не пошел.

Общий вид Ленинградской обувной фабрики «Скорход».

НАС НЕ ПУСТИЛИ

Очерк Б. ГРОМОВА

«ФРАНКФУРТСКАЯ ОЛИМПИАДА»—
Бег на скорость.

В МИРОВОЕ спортивно-гимнастическое движение втянуто несколько миллионов юностей. Спорт с каждым годом захватывает все новые и новые кадры молодежи.

Поэтому понятно, с каким усердием стараются капиталисты при помощи сети спортивных клубов «прибрать к рукам» рабочую молодежь, отвлекая ее от политики и воспитывать в том духе, который империалистам наиболее желателен. Для выполнения намеченной задачи ни перед чем не останавливаются, не жалеют средств для бешеной агитации. Так, например, во Франции целый ряд организаций дают своим членам привилегии при призыве на военную службу (новобранцев сразу получают чин капралла).

В настоящее время существуют три основных и наиболее мощных объединения, руководящих всей работой по спорту в мировом масштабе: фашистско-буржуазные объединения, социал-демократические (желтый Люцернский Интернационал) и Красный Спортинтерн.

В рядах люцернцев находятся до сих пор сотни тысяч пролетариев.

Характеристикой деятельности люцернцев служат следующие примеры.

Недавно, в предместьях Берлина, был организован большой рабочий митинг и демонстрация против войны. Социал-демократический офисис «Форвертс» заявил, что ни один рабочий спортсмен, под страхом исключения из союза, не имеет права принимать в нем участие, ибо митинг организован компартией.

Или — за приглашение украинской футбольной команды в Германию люцернцы исключили рабочий спорт-клуб Дрездена. Подобных примеров масса. Они с достаточной ясностью характеризуют отношение к Красному Спортинтерну и СССР.

За последнее время главари Люцерны, благодаря своему отношению к СССР, стали терять доверие рабочих. Все чаще и чаще приходят сообщения о присоединении целых округов к Красному Спортинтерну. Социал-демократы боятся русских. Да и есть чего. Каждый наш выезд за границу, это — лучшая агитация. Люцернцы видят, с какой радостью нас встречают рабочие «заграницы», какие они устраивают торжественные встречи и демонстрации.

Как уже указывалось выше, в рядах люцернцев находятся сотни тысяч рабочих.

Красный Спортинтерн, утя это, все время ведет политику за единый фронт рабочих спортсменов всех стран. Но до

но-гимнастических организаций без различия их национальной принадлежности, люцернские вожди исключили Красный Спортинтерн и его секции из числа участников. Условием участия они считали вступление КСИ в Люцернский Интернационал. Конечно, на это мы не могли пойти.

Мы предлагали разработать общую программу; с этой целью послали нашу делегацию во Франкфурт, но ее даже не удостоили принять.

Таким образом, наши физкультурники не имели возможности принять участие в олимпиаде: без участия же СССР, первой в мире рабочей страны, праздник был куцем, ибо только мы могли составить солидную конкуренцию финнам — героям олимпиады.

Об этой олимпиаде можно рассказать не мало интересного.

Праздник открылся 24 июля. В общем параде участников шли 30.000 рабочих спортсменов.

От германских спорт-союзов с'ехало 13.176 гимнастов, 116 игроков, 284 легко-атлета, 230 тяжело-атлетов, 184 пловца, 75 велосипедистов, 62 гребца, и т. д. Кроме того, участвовали представители: Франции, Англии, Чехо-Словакии, Швейцарии, Финляндии, Бельгии, Австрии, Юго-Славии, Португалии, Польши, Латвии, Венгрии, Эляс-Лота-рингии и др.

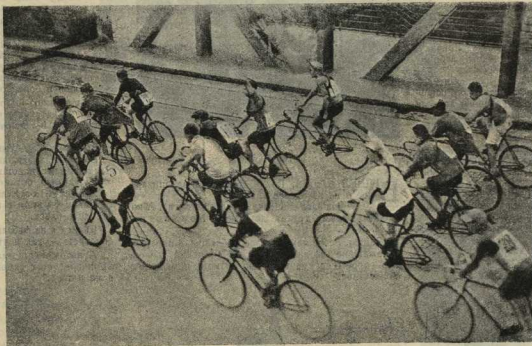
Секретарь Интернационала, Девлигер, открывая праздник, сказал, что он имеет целью укрепить физические силы рабочей молодежи, в целях борьбы с реакцией, милитаризмом и капитализмом (??).

В смысле организационном, праздник был налажен необычайно удачно и продуманно.

Состязания происходили на специально построенном стадионе, вмещающем до 50.000 зрителей. Здесь же были устроены: бассейны для плавания, футбольное поле, велоспек, беговая дорожка и т. д.

За несколько дней до открытия специальные поезда привозили участников во Франкфурт. Все свободные помещения в городе были переполнены. Ежедневно кухни давали более 10.000 обедов. Кроме того, еще магистрат города отпуская 12.000 порций.

Для оказания медицинской помощи участникам было организовано 25 по-

«ФРАНКФУРТСКАЯ ОЛИМПИАДА»—Велосипедные гонки.

сих пор наши предложения разбивались об упрямые головы желтых вождей, несмотря на то, что массы всячески нам сочувствуют.

Так было и с мировой рабочей олимпиадой, прошедшей текущим летом во Франкфурте-на Майне (Германия), организованной Люцернским объединением.

Несмотря на то, что целый ряд стран принял лозунг, что олимпиада должна быть праздником всех рабочих спортив-

стоянных и 40 подвижных пунктов, обслуживаемых 2 тысячами санитаров.

Кроме того, был широко поставлен врачебный контроль над участниками праздника. Работали: рентгенологический, физиологический кабинеты, производились исследования крови, внутренних органов (гл. образом, сердца и легких) специалистами-профессорами.

Весь Франкфурт был изукрашен фашистскими флагами: черно - красно-желтыми. Здание профсоюзов, где находился главный комитет праздника, помещено среди 20 больших национальных флагов только два маленьких, едва заметных, красных флагов. На стадионе, для охраны порядка, были приглашены отряды фашистского и имперского флага числом 2.000 человек, снабженных резиновыми палками. Союзу «Красных фронтовиков» было отказано в участии в празднике. Меншевики прилагали все усилия, дабы понизить симпатии рабочих к русским спортсменам. Репортерам было приказано сообщить, что русские не получили, якобы, от Советского правительства разрешения для выезда на олимпиаду.

Чтобы провести олимпиаду в 4 дня, (как это было заранее намечено) пришлось одновременно производить состязания по нескольким видам спорта. Так,

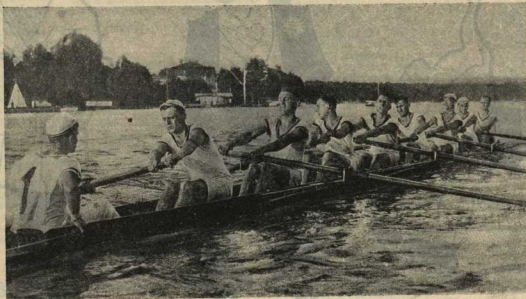
например, в одно время разыгрывали: греблю, плавание, легкую и тяжелую атлетику, борьбу бокс, фехтование, гимнастику и т. д. Финские спортсмены оказались с героями праздника. Их необыкновенная настойчивость и упорство в тренинге, прекрасно разработанная техника — сыграли решающую роль. По

интернациональная встреча. Мы не смогли, по целому ряду причин, выставить наиболее сильный состав участников. Все же нам удалось по легкой атлетике выиграть прыжки в длину с разбега, и эстафету 4×100 метров, с результатом лучшего высшего достижения СССР. По футболу же нам досталась победа с крупным счетом 7:0. Эта встреча нам достаточно ярко показала, что мы, несмотря на долгие годы разрухи, голода и холода, не отстаем от зарубежных достижений спортивных организаций, и тот темп, с которым мы движемся не уклонно вперед, говорит за то, что наше первенство не за горами.

Надо также полагать, что люцифрам не вечно будет удаваться изоляция от красных. В массах рабочих спортсменов, входящих в Люциферский Спортивный Союз, как и в массах рабочих социал-демократов, не прекращается брожение.

Они требуют единства в рабочих рядах, а соглашатели добиваются раскола даже на спортивном поле.

Еще несколько усилий с нашей стороны, еще немного разочарования в своих вождах, и мы можем быть увидим подлинную всемирную рабочую олимпиаду, где будут присутствовать и физкультурники СССР.

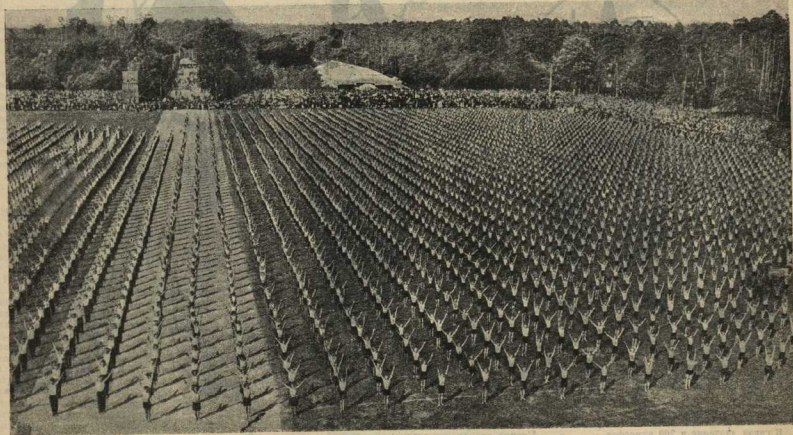

ФРАНКУРТУСКАЯ ОЛИМПИАДА—Гребные вонки.

борьбе, легкой атлетике они пришли вне конкуренции на первое место, показывая во всех видах блестящие результаты. От них не отставали и латыши, и немцы, сильные, главным образом, в женских командах.

О технических результатах писать не будем. Интересующихся отошлем к специальной спортивной прессе.

Отметим лишь следующий факт. По окончании олимпиады финны приезжали в Ленинград, где состоялась большая

ФРАНКУРТУСКАЯ ОЛИМПИАДА—Массовые волевые движения с участием 30.000 мужчин и женщин.

„НАШИ ТИПЫ“

ФИЗКУЛЬТЧЕМПИОН.

Чугунная грудь, стальные колена,
Медная балка вместо плеча.
Охотно бы бацинул голову Чемерзена,
Вместо футбольного мяча.

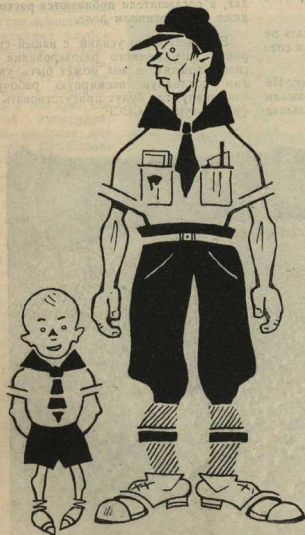
СУХОПУТНЫЙ МОРЯК.

Хоти и призыва литого года он,
Но клешу на тротуаре узко.
Позовка у него мореходова
(Правда, не от моря,
А от перегрузки русской).

КОМСОМЛЬСКИЙ ПОЭТ.

В груди бурают потоки вдохновенны,
В желудке бурлит рабфаковский обед,
И солнце для него закрыта тенью:
Вот этой вывеской
«Авансов нет».

ВОЖАТЫЙ.

В груди давление в 200 атмосфер,
А в голове — обязанности каша:
Он — педагог, он — старший пионер,
Спортсмен, и командир, и...
вряд мамаша.

КОМСОМОЛКА.

Крепко пропахшая воздухом завода *),
Комсомолка образца 25-го года.
*) Парфюмерного.

РАБФАКОВЕЦ.

Он мостовую яростно гранит,
И мысли у него гранитно-четки.
Науку он трясет гранит,
Гранит же мостовой
грызет его подметки.

ВСЕ КОМСОМОЛЬЦЫ заводов и фабрик
ВСЯ РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ СССР
ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОДПИСЧИКАМИ
массового литературно-художественного
и общественно-бытового
ЖУРНАЛА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

== „С М Е Н А“ ==

Опираясь в своей работе на многотысячного читателя, „СМЕНА“ ставит своей целью удовлетворить разнообразные запросы, волнующие и интересующие его.

„СМЕНА“ регулярно из номера в номер дает ценные литературные новинки, по содержанию интересные молодым рабочим и комсомольцам. На страницах же

„СМЕНИ“ находят себе место и оценку наиболее талантливые пролетарские писатели, а также все лучшие из провинциальных рукописей, ежедневно десятками поступающих в редакцию.

„СМЕНА“ ведет серьезную работу над массовым потоком литературных опытов, поступающих из самых отдаленных краев СССР, письменно давая советы и оценку.

В „СМЕНЕ“ читатель всегда может осведомиться о всех событиях общественно-политической жизни как в СССР, так и в других странах мира—через статьи, богато иллюстрированные.

„СМЕНА“ дает живое отражение быта в отдельных очерках и в страницах юмора.

Вопросы научной пропаганды, новых достижений в технике, состояния производств, физкультуры, книжных новостей и мн. др. имеют в „СМЕНЕ“ постоянное освещение в живой, увлекательной и доступной форме.